

„главнѣйшіе и въ собственномъ смыслѣ полемическіе труды противъ раскола за вторую половину XVII в., при томъ написанные не ранѣе эпохи собора 1666—1667 г., эпохи окончательнаго осужденія раскола русскою церковью“. Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что авторомъ разсмотрѣны два сочиненія: „Жезлъ Правленія“ Симеона Полоцкаго и „Увѣтъ Духовный“, изданный отъ лица патріарха Іоакима— „памятники наиболѣе важныя какъ по своему характеру, такъ и потому, что они были изданы отъ лица высшей духовной власти“.

Ограничивъ свою тему изученіемъ указанныхъ памятниковъ, г. Купріяновъ дѣлитъ свое небольшое (IV+170) сочиненіе на три главы. Первая глава посвящена „Жезлу Правленія“; вторая— „Увѣту“; въ третьей, дополнительной, „кратко перечисляются болѣе мелкіе полемическіе труды,—сначала изданные патр. Іоакимомъ, потомъ—извѣстные съ именами другихъ лицъ, а въ самомъ концѣ кратко разобраны посланіе Игнатія (Тобольскаго) и трудъ Крижанича“ („Опроверженіе соловецкой челобитной“).

Сознавая, что интересующіе его памятники достаточно хорошо изучены въ литературѣ по расколовѣдѣнію, и не желая повторяться, г. Купріяновъ ищетъ поля для самостоятельной работы. На его счастье, остается мало выясненнымъ вопросъ объ отношеніи „Жезла Правленія“—его первой части—къ полемическому труду Паисія Лигарида. Хотя зависимость „Жезла“ отъ „Отраженія“ Лигарида была отмѣчена уже раньше, но никто не принималъ на себя труда выяснить ее ближе. Сдѣлать это авторъ и поставилъ себѣ задачей въ своей первой главѣ. Тогда, чтобы выдержать однообразіе въ постановкѣ темы, ему пришлось и по отношенію къ „Увѣту“ продѣлать аналогичную, но уже не новую работу, т. е. вскрыть зависимость „Увѣта“ отъ „Жезла Правленія“. Указанная постановка сдѣлала сочиненіе г. Купріянова, можетъ быть, не вполне соответствующимъ темѣ, но она освободила его отъ необходимости повторять, хотя бы въ первой главѣ, продѣланную раньше его работу и, не входя въ подробный анализъ содержанія памятниковъ, остановиться лишь на нѣкоторыхъ нужныхъ ему ихъ сторонахъ.

При разработкѣ темы г. Купріянову приходилось держаться двухъ приемовъ.

Тамъ, гдѣ дѣло касалось вопросовъ, достаточно хорошо обследованныхъ, онъ ограничивается выборомъ и изложениемъ наиболѣе принятыхъ и обоснованныхъ мнѣній, причемъ добросовѣстно отмѣчаетъ, откуда они имъ заимствованы. При надежности выбранныхъ руководителей, сужденія автора обычно правильны; но зато онъ слѣдуетъ имъ безпрекословно и тогда, когда для вопроса открывается возможность и не такого рѣшенія, какое у нихъ принято. Напримеръ авторъ повторяетъ обычное мнѣние, что Симеонъ Полоцкій написалъ „Жезль Правленія“; книгу въ 250 страницъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца (съ 18 мая по 13 юля 1666 г.); однако есть мнѣние, что Симеонъ потратилъ времени больше, начавъ свою работу раньше соборныхъ засѣданій (Н. О. Каптеревъ). Г. Купріяновъ съ нимъ не считается.

Въ самостоятельной части своего сочиненія (главнымъ образомъ стр. 33—67 и отчасти 105—128) авторъ имѣетъ дѣло только съ источниками и разбирается въ нихъ уже самостоятельно. Больше всего онъ потрудился надъ сопоставленіемъ первой части „Жезла“ съ „Отраженіями“ Паисія. Хотя въ своемъ предисловіи г. Купріяновъ сдѣлалъ странное предупрежденіе, что сопоставленіе между обоими полемистами могло быть произведено только по вопросамъ особенной важности—о зачатіи и пресуществленіи, а въ остальномъ книга Паисія по своей, въ полемическомъ отношеніи, безсодержательности не могла быть никоимъ образомъ сравниваема съ „Жезломъ“ Симеона,—однако, въ противорѣчьи съ предисловіемъ, но основательно по существу, сумѣлъ отыскать достаточно много (17) пунктовъ зависимости „Жезла“ отъ „Отраженій“. На вопросахъ же о непорочномъ зачатіи и времени пресуществленія авторъ остановился подробнѣе не потому, что здѣсь ярче сказалась зависимость Симеона отъ Лигарида, а потому, что по указаннымъ вопросамъ оба автора не имѣли отчетливыхъ православныхъ мнѣній, склоняясь отчасти къ латинству, что особенно нужно сказать о взглядахъ Полоцкаго по вопросу о пресуществленіи. Такъ какъ планъ изложенія у Паисія и Симеона, опредѣлявшійся послѣдовательностью обличеній челобитной Никиты, одинъ и тотъ-же, то сопоставленіе этихъ авторовъ не представляло непосильной работы и она выполнена г. Купріяновымъ удовлетворительно. Едва-ли только

слѣдовало излагать обличенія Никиты въ такомъ неудачномъ сокращеніи, которое дѣлаетъ ихъ совершенно непонятными (стр. 65—66) и вынуждаетъ читателя открывать подлинный текстъ челобитной. Что касается второй части „Жезла“, посвященной опроверженію челобитной Лазаря и написанной Полоцкимъ самостоятельно, то нашъ авторъ не сказалъ о ней ни слова.—Въ отдѣлѣ объ „Увѣтѣ Духовномъ“ (стр. 105—128) работа сопоставленія была продѣлана авторомъ уже въ зависимости отъ имѣющейся въ наличности литературы, при чемъ разобраны лишь наиболѣе важные пункты полемики съ раскольниками. Разсматривать содержаніе всего памятника г. Купріяновъ отказался, такъ какъ это „было-бы скучно“.

Свою главную задачу—выясненіе взаимной зависимости памятниковъ—авторъ дополняетъ ихъ оцѣнкой. Въ оцѣнкѣ полемическихъ сочиненій желательно имѣть отвѣтъ на два вопроса: 1) насколько цѣлесообразенъ былъ памятникъ во время своего появленія, — вопросъ, подраздѣляющійся на нѣсколько частныхъ, напр., по существу-ли затрагивалъ онъ спорные пункты и былъ-ли убѣдителенъ,—былъ-ли онъ объективенъ и былъ-ли понятенъ тѣмъ, для кого предназначался; 2) какое значеніе онъ можетъ имѣть въ наше время? Въ своей оцѣнкѣ г. Купріяновъ на одни вопросы отвѣтилъ лишь частично, другіе вовсе обошелъ. Основательность „возобличеній“ „Жезла“ имъ не уяснена, объективность „Увѣта“, за исключеніемъ его историческаго предисловія, не опредѣлена, о доступности памятниковъ сказано мало. Ярче всего охарактеризована рѣзкость и бранчивость тона, конечно потому, что памятники, особенно „Жезль“, давали для этого самый благодарный матеріалъ. Что касается возможнаго значенія памятниковъ въ наше время, то этотъ вопросъ авторомъ вовсе обойденъ, если не считать его немногихъ случайныхъ замѣчаній.

Одинъ разъ на протяженіи всего сочиненія г. Купріяновъ обратился къ греческому языку—и рѣшительно неудачно (стр. 122). Авторъ „Увѣта“, искореняя „безумство и злобу“ раскольниковъ, читающихъ въ символѣ „нѣсть конца“ вмѣсто „не будетъ“, пишетъ: „искуеніи людіе грамматики греческія.. вѣдятъ яко греческое оуѣсте знаменуеть словенскимъ діалектомъ: не будетъ, а не нѣсть“. Правильно транскриби-

рованное въ „Увѣтъ“ греческое слово г. Купріяновъ возвращаетъ къ первобытному виду, давая ему невозможное написаніе: *оѡх ѣоте* (вм. *оѡх ѣотаи*). Мы не думаемъ по этому приѣму судить объ искусствѣ автора въ греческой грамматикѣ но все-же желательно видѣть къ послѣдней побольше уваженія.

Не лишне замѣтить, что сочиненіе Лигарида сохранилось въ черновой рукописи, принадлежащей перу Полоцкаго, переводившаго „Отраженія“ съ латинскаго языка на русскій. Хотя эта любопытная рукопись хранится въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи (№ 68), авторъ не поинтересовался посмотрѣть ее.

Степени кандидата богословія г. Купріяновъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Сочиненіе г. Купріянова состоитъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ опредѣляетъ задачи и планъ своей работы, и трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ говорится о полемическомъ трактатѣ (или, вѣрнѣе, памфлетѣ) Симеона Полоцкаго „Жезлъ Правленія“, о времени и обстоятельствахъ его изданія, о его источникахъ и объ его общемъ характерѣ и цѣнности. Во второй главѣ разсматривается другой близкій по времени памятникъ противораскольнической литературы, изданный патріархомъ Іоакимомъ „Увѣтъ духовный“, рѣшается вопросъ о его авторѣ, указывается его содержаніе, опредѣляется его отношеніе къ „Жезлу Правленія“ и дѣлается общая его оцѣнка. Наконецъ, въ третьей главѣ кратко обзрѣваются остальные, болѣе мелкіе полемическіе труды второй половины XVII вѣка, частью изданные тѣмъ-же патріархомъ Іоакимомъ, частью извѣстные съ именами другихъ лицъ, и нѣсколько подробнѣе разбираются посланія митроп. Тобольскаго Игнатія и „Обличеніе Соловецкой челобитной“ Юрія Крижанича. Изъ этого обзора содержанія работы видно, что г. Купріяновъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, собственно говоря, только на двухъ главныхъ памятникахъ противораскольнической полемики второй половины XVII в., на „Жезлъ“ и „Увѣтъ“; всѣ остальные или оставляются имъ безъ разсмотрѣнія („Скрижалъ“ и „Предисловія“ къ Службникамъ) или разсматриваются очень кратко („перечисляются“, какъ выражается самъ авторъ). Но и эти два труда

изслѣдуются имъ далеко не въ полномъ объемѣ. Въ „Жезлѣ Правленія“ г. Купріяновъ останавливается только на томъ, что совпадаетъ въ немъ съ „Отраженіями“ Паисія Лигарида, т. е. на первой части, направленной противъ челобитной Никиты; вторую часть, заключающую опроверженіе челобитной Лазаря, онъ не разсматриваетъ. Равнымъ образомъ и при сопоставленіи „Увѣта“ съ „Жезломъ“ онъ касается только тѣхъ вопросовъ, которые въ то время служили главнымъ предметомъ полемики съ раскольниками. Такую слишкомъ узкую постановку задачи г. Купріяновъ оправдываетъ тѣмъ, что все это уже сдѣлано другими (см. напр. стр. 68). Оправданіе немножко своеобразное, такъ какъ сдѣланное другими едва-ли избавляло автора отъ обязанности сдѣлать кое-что свое. Впрочемъ, это свое у г. Купріянова есть. Это именно выясненіе отношенія „Жезла Правленія“ къ „Отраженіямъ“ Лигарида. Хотя зависимость перваго изъ этихъ памятниковъ отъ второго уже давно была извѣстна, но подробнаго сравненія ихъ еще никѣмъ не было сдѣлано, и предпринимая эту работу г. Купріяновъ дѣйствительно даетъ нѣчто новое. Путемъ текстуальныхъ сопоставленій онъ показываетъ, что первая часть труда Симеона Полоцкаго представляетъ собой лишь извлеченіе изъ книги Паисія. При этихъ сопоставленіяхъ авторъ по преимуществу останавливается на тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ эти полемисты противъ раскола сами уклонились отъ православія, именно на вопросахъ о непорочномъ зачатіи Пресв. Богородицы и о времени пресуществленія Св. Даровъ. Эта часть работы г. Купріянова имѣетъ извѣстное научное значеніе.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

17) О сочиненіи студента священника *Лаврова Тихона* на тему: „Обозрѣніе законодательства и административныхъ мѣропріятій Св. Синода въ царствованіе государей Александра II и Александра III“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ предисловія, вводной главы и нѣсколькихъ отдѣловъ. Въ концѣ прило-

женъ подробный списокъ источниковъ, изъ которыхъ авторъ черпалъ матеріалъ для сочиненія.

Довольно обширную сферу законодательства и административныхъ мѣропріятій Св. Синода за избранную авторомъ эпоху онъ—какъ видно изъ предисловія—намѣренъ былъ свести къ слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: отдѣлъ 1-й: законодательство и мѣропріятія по духовно-учебной части; отд. 2-й—по устройству быта приходскаго духовенства; отд. 3-й—по устройству церковно-приходскихъ школъ; отд. 4-й—по устройству миссій.

Однакоже выполнить сполна этого плана автору не удалось, хотя достаточный матеріалъ для всѣхъ отдѣловъ былъ уже собранъ. По стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ пришлось оставить послѣдній—миссіонерскій отдѣлъ (стр. 2 предисловія).

Въ качествѣ введенія къ предназначеннымъ отдѣламъ авторъ предпосылаетъ общій взглядъ на состояніе русской церкви ко времени восшествія на престолъ Государя Александра II-го. Необходимость такого введенія авторъ совершенно правильно объясняетъ тѣмъ, что общая картина состоянія церкви въ то или другое время даетъ возможность имѣть цѣлостное представленіе о томъ, гдѣ и въ чемъ проявлялись болѣе или менѣе слабыя стороны церковно-общественной жизни, на улучшеніе которыхъ будетъ направлена—какъ это естественно ожидать—дѣятельность органа высшаго церковнаго управленія—Св. Синода (стр. 1—2).

Этими слабыми сторонами—по мнѣнію автора—были слѣдующія: а) мало образованное, мало учительное духовенство, живущее въ бѣдныхъ, а иногда безвыходныхъ матеріальныхъ условіяхъ, б) паства, мало просвѣщенная свѣтомъ христіанскаго ученія: нѣкая часть ея содержитъ христіанское инославное ученіе; часть—заражена расколомъ, сектантствомъ, а есть и такіе русскіе подданные, которые сидятъ во тьмѣ язычества (стр. 16). На улучшеніе этихъ слабыхъ сторонъ церковно-общественнаго строя русской жизни и направлены были заботы Св. Синода. Отсюда естественно возникаютъ слѣдующіе главные отдѣлы изслѣдованія: 1) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ учрежденіяхъ имѣющихъ главною задачею подготовленіе просвѣщенныхъ пастырей церкви; 2) объ улучшеніи правового и матеріальнаго быта.

духовенства и 3) мѣры къ образованію и просвѣщенію народа въ духѣ вѣры и церкви (церковно-приходскія школы).

Первый изъ этихъ отдѣловъ разбивается на слѣдующія частныя рубрики: I) *Духовно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Александра II-го*: а) количество духовно-учебныхъ заведеній въ 1855 году и характеристика ихъ состояній (стр. 20—31); б) Уставы духовныхъ семинарій и училищъ въ 1867 году (стр. 32—44); в) женскія училища духовнаго вѣдомства (45—47); г) реформа духовныхъ академій 1869 г. (48—68); д) общій взглядъ на реформы духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Императора Александра II-го (68—74).

II) *Духовно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Александра III-го*: а) Уставъ духовныхъ академій 1884 г.; б) Уставъ духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ (75—103).

Дальнѣйшіе отдѣлы объ устройствѣ быта духовенства и просвѣщеніи народа авторъ располагаетъ по царствованіямъ Императоровъ Александра II-го и Александра III-го, а именно въ такомъ порядкѣ:

I) Приходское духовенство въ царствованіе Императора Александра II-го: а) улучшение правовыхъ отношеній духовенства (стр. 104—124); б) улучшение матеріальнаго положенія бѣлаго духовенства (стр. 125—141); в) пенсіи и пособія духовенству (141—143); г) исторія духовно-учебной реформы (144—160).

II) Царствованіе Императора Александра III-го: а) мѣропріятія Св. Синода по отношенію къ приходскому духовенству (стр. 161—173).

Дѣятельность Св. Синода по народному образованію: а) въ царствованіе Императора Александра II-го (стр. 174—191); въ царствованіе Императора Александра III-го (стр. 192—240); заключеніе (стр. 241—254).

Таковъ планъ разсматриваемаго сочиненія. Планъ—весьма удачный. Авторъ дѣйствительно выбралъ изъ огромной массы законодательной дѣятельности Св. Синода за разсматриваемую эпоху наиболѣе важные моменты и изложилъ ихъ въ послѣдовательномъ и довольно сжатомъ видѣ. Для выработки этого плана онъ—по собственному признанію—воспользовался отчетами Оберъ-Прокурора Св. Синода, просмотрѣнными имъ сполна.

Къ достоинствамъ сочиненія автора слѣдуетъ отнести, да-

лѣе, обширную начитанность автора не только въ области сырого матеріала (подлинныхъ уставовъ и отдѣльныхъ указовъ Св. Синода), но и литературнаго освѣщенія его, даваемого въ отдѣльныхъ монографіяхъ и статьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ, перечень которыхъ приложенъ въ концѣ сочиненія.

Методъ изложеній—историко-критическій: авторъ не ограничивается только положительнымъ обзорѣніемъ законодательныхъ мѣръ Св. Синода, но и даетъ ихъ критическую оцѣнку, при чемъ весьма удачно пользуется готовымъ освѣщеніемъ ихъ, оставляя какъ бы въ сторонѣ свое личное мнѣніе. Языкъ сочиненія правильный, чистый, дѣловой, такъ что оно читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, не смотря на кажущуюся сухость предмета. Единственный недостатокъ сочиненія—неоконченность—искупается, по моему мнѣнію, наличными достоинствами сочиненія.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Главное достоинство сочиненія о. Лаврова— краткость. Обзорѣвая законодательство и административныя мѣропріятія Св. Синода въ два царствованія, авторъ сумѣлъ не растеряться въ подробностяхъ и мелочахъ огромнаго матеріала, имъ изученнаго, выбрать изъ него только самое существенное и рассказать, что надо, точно, немногословно и связно. Главнымъ недостаткомъ работы является отсутствіе болѣе детальныхъ параллелей между ходомъ церковной внутренней политики и общей, вслѣдствіе чего о. Лаврову порою представляется въ мѣропріятіяхъ высшей церковной власти нѣкоторая случайность и бессистемность (58 стр.), на самомъ дѣлѣ съяснимыя съ указанной болѣе общей точки зрѣнія.

Въ общемъ же сочиненіе о. Тихона Лаврова надо признать обстоятельной и интересной кандидатской работой“.

18) О сочиненіи студента *Лебедева Александра* на тему: „Юрій Федоровичъ Самаринъ, какъ церковный писатель и дѣятель по освобожденію крестьянъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Лебедева соотвѣтственно своему заглавію распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой изъ нихъ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію богословскіе взгляды Самарина, поскольку они выражались въ работахъ, относящихся къ его молодымъ годамъ. Здѣсь мы находимъ анализъ сдѣланнаго Самаринымъ опредѣленія понятія церкви, изложеніе его взглядовъ на возможность богословія, какъ науки, ученіе его объ отношеніи церкви къ государству, мысли объ отношеніи къ православной церкви католицизма и протестантизма. Въ заключеніи этой части г. Лебедевъ обстоятельно и убѣдительно путемъ сравненія текстовъ выясняетъ влияние на Самарина А. С. Хомякова. Для избранной темы выясненіе богословскаго міровоззрѣнія Ю. Самарина надо признать вполне достаточнымъ; но нельзя не пожалѣть, что авторомъ не сдѣлано болѣе обстоятельной оцѣнки значенія диссертациі Самарина „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“ въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Вторая часть посвящена Ю. Самарину, какъ дѣятелю по освобожденію крестьянъ. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за участіемъ Самарина въ реформѣ 19 февраля 1861 г. Первые страницы этой части повѣствуютъ о подготовкѣ Самарина къ крестьянскому вопросу: служебной и публицистической. Впервые Самаринъ соприкоснулся съ крестьянскимъ дѣломъ на службѣ въ Лифляндскомъ комитетѣ, а затѣмъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ Бибииковѣ, занятомъ тогда введеніемъ „инвентарей“ въ имѣніяхъ юго-западнаго края. Выйдя изъ службы въ отставку, Самаринъ занимается публицистическою дѣятельностью, изучаетъ крестьянскій вопросъ, пишетъ рядъ записокъ и статей по освобожденію крестьянъ, всей душой отдается захватившей его мысли. Авторъ разбираетъ записки Самарина (1853—56 г.г.), особенно подробно останавливается на первой изъ нихъ и отчетливо выясняетъ двѣ главныя идеи, къ которымъ пришелъ Самаринъ и которыя онъ затѣмъ горячо отстаивалъ на практикѣ, именно: 1) необходимость освобожденія крестьянъ съ землею въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ они фактически ею пользовались предъ освобожденіемъ; 2) необходимость сохраненія общины, въ кото-

рой Самаринъ, какъ славянофилъ, видѣлъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояннй русскаго народа и которую онъ считалъ спасительнымъ началомъ и преимуществомъ Россіи передъ Западомъ. Въ двухъ другихъ отдѣлахъ второй части г. Лебедевъ характеризуетъ практическую работу Самарина по подготовкѣ крестьянской реформы: а) въ губернскомъ самарскомъ комитетѣ, в) въ Редакціонныхъ комиссіяхъ. И въ комитетѣ, и затѣмъ въ комиссіяхъ Самаринъ отстаивалъ свои основныя идеи о землѣ и общинѣ. Но значеніе его дѣятельности не ограничивалось только отважною борьбою за эти идеи; авторъ характеризуетъ Самарина, какъ упорнаго, неутомимаго работника, выносившаго на своихъ плечахъ всю тяжесть будничнаго, черноваго, подготовительнаго труда по разработкѣ деталей реформы.

Идеи Самарина изложены и разобраны въ сочиненіи г. Лебедева ясно и отчетливо и характеръ его нарисованъ живо. Намъ кажется все же, что не слѣдовало ограничиваться такимъ изолированнымъ изображеніемъ Самарина, говоря о дѣятельности его въ крестьянской реформѣ. Характеристика каждаго человѣка, если онъ не отшельникъ отъ міра, а тѣмъ болѣе общественнаго дѣятеля, будетъ всегда не полна, если не показать его связей съ окружающею его, по крайней мѣрѣ, ближайшею средою, отношеній его къ друзьямъ и врагамъ. Можетъ быть изображеніе Самарина слѣдовало окружить болѣе широкимъ общественнымъ фономъ, и тогда оно выиграло бы, какъ выигрываетъ портретъ отъ удачнаго фона. Но впрочемъ въ защиту автора надо сказать, что тема имъ взятая для работы не изъ легкихъ; широкое изученіе крестьянской реформы, знакомство съ ея дѣятелями требовало, разумѣется, болѣе времени, чѣмъ сколько его находилось въ распоряженіи автора. Того труда, который имъ положенъ на изученіе выдающагося религіознаго мыслителя и одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, и тѣхъ результатовъ, которые авторомъ достигнуты, я считаю вполне достаточнымъ для присужденія г. Лебедеву искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Небольшая по размѣрамъ, но содержательная и живо написанная работа г. Лебедева слагается изъ двухъ частей.

Въ первой изъ нихъ онъ даетъ краткій очеркъ духовнаго развитія Ю. Θ. Самарина и разсматриваетъ его, какъ церковнаго писателя. Авторъ послѣдовательно излагаетъ мысли Самарина о церкви, о богословіи, какъ наукѣ, о церковной проповѣди, объ отношеніи церкви и государства; о католицизмѣ и протестантизмѣ въ ихъ существенныхъ особенностяхъ и въ ихъ отношеніяхъ къ православію. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ общую оцѣнку богословскихъ взглядовъ этого писателя, показывая при помощи нѣсколькихъ любопытныхъ сопоставленій его зависимость отъ Хомякова. Во второй части г. Лебедевъ изучаетъ дѣятельность Самарина по освобожденію крестьянъ. Сначала авторъ говоритъ о подготовительномъ періодѣ этой дѣятельности, о занятіяхъ Ю. Θ. ча въ Лифляндскомъ комитетѣ, о его службѣ въ Юго-западномъ краѣ и о публицистической разработкѣ крестьянскаго вопроса въ его извѣстной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи и переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“ и въ другихъ статьяхъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ непосредственное участіе Самарина въ крестьянской реформѣ, описывая его сложную работу въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ и въ С.-Петербургскихъ Редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ этому практическому дѣятелю славянофильства приходилось цѣною упорной борьбы и тяжелыхъ усилій проводить въ жизнь тѣ идеи о надѣленіи крестьянъ землей и о сохраненіи общины, которыя онъ ранѣе защищалъ въ вышеупомянутыхъ запискахъ.

Какъ студенческая работа, сочиненіе г. Лебедева конечно страдаетъ значительными недостатками и пробѣлами. Въ первой части авторъ почему-то мало говоритъ объ одномъ изъ главныхъ церковно-историческихъ трудовъ Ю. Θ. Самарина, магистерской диссертациі „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“. Во второй части онъ не достаточно широко освѣщаетъ отношенія Самарина къ другимъ дѣятелямъ крестьянской реформы и не останавливается на общей оцѣнкѣ его значенія въ исторіи русской культуры и общественности. Сравненіе освободительныхъ стремленій и земскихъ идеаловъ этого дѣятеля съ крѣпостническими вождедѣніями эпигоновъ славянофильства и съ ожесточенною борьбой противъ общины, предпринятою ихъ преемниками, современными націоналистами, могло бы послужить темой для интересныхъ.

размышлений. Встрѣчаются въ сочиненія и мелкія ошибки, недоразумѣнія и недосмотры (напр., авторъ почему-то называетъ Николая Тургенева декабристомъ). Тѣмъ не менѣе главную свою задачу г. Лебедевъ выполнилъ удовлетворительно. И богословскіе взгляды Самарина, и его дѣятельность, и его привлекательная личность очерчены имъ достаточно выпукло и ясно. Съ сочиненіями Самарина авторъ знакомъ хорошо; извѣстны ему и важнѣйшіе труды по исторіи крестьянской реформы.

Степени кандидата богословія сочиненіе заслуживаетъ“.

19) О сочиненія студента священника *Лебедева Дмитрія* на тему: „Отношеніе древней церкви Феодора Стратилата къ Успенскому собору въ г. Костромѣ (въ связи съ Повѣстью о Феодоровской иконѣ Божіей Матери и топографіей города)“.

а) Ординарнаго профессора *А. П. Голубцова*:

„Въ небольшомъ предисловіицѣ о. Лебедевъ говоритъ о своихъ пособіяхъ и источникахъ и старается мимоходомъ опредѣлить методъ и общіе результаты своего труда. Последній открывається „Краткимъ очеркомъ начальнаго періода г. Костромы (до княженія Ярослава Всеволодовича)“ и состоитъ изъ пяти слѣдующихъ главъ: I) „Древняя топографія г. Костромы и древній соборный храмъ св. Феодора Стратилата; II) Повѣсть о Феодоровской иконѣ Божіей Матери (въ разныхъ ея редакціяхъ); III) Свидѣтельства повѣсти и иконографическихъ памятниковъ о древнемъ храмѣ св. Феодора Стратилата, въ связи съ топографіей г. Костромы; IV) Первоначальная исторія Успенскаго собора до XVII в. и отношеніе къ нему за это время храма св. Феодора Стратилата; V) Успенскій соборъ и храмъ св. Феодора Стратилата въ XVII—XIX стол., въ связи съ топографіей гор. Костромы за то же время“, и четырехъ приложеній. Легко видѣть, что эти оглавленія отдѣловъ сочиненія находятся въ соотвѣтствіи съ темой, но только въ формулировкѣ нашимъ авторомъ они приближены къ ней; въ дѣйствительности же содержаніе отдѣловъ не покрывается приведенными заголовками: оно гораздо шире. Не упуская изъ вниманія данной темы, авторъ имѣетъ въ виду про себя, повидимому, еще

свою. Онъ пишетъ не о древнѣйшей только церкви Гор Костромы въ честь Θεодора Стратилата и Успенскомъ соборѣ ея и ихъ взаимномъ отношеніи, основываясь преимущественно на Повѣсти о Θεодоровской иконѣ Богоматери и исходя изъ топографіи города; онъ пытается объять и какъ бы попутно изложить всю исторію послѣдняго, старается хотя кратко разсказать о всѣхъ важнѣйшихъ достопримѣчательностяхъ и событіяхъ изъ церковной и даже гражданской жизни родного города за многовѣковое его существованіе... Разумѣется, такое расширеніе и даже двойственность задачи не могли благопріятно отразиться на качествахъ труда о. Димитрія. Располагая небольшимъ временемъ— нѣсколькими мѣсяцами, онъ вынужденъ былъ по общей исторіи города пользоваться своими предшественниками по работѣ, быть эклектикомъ въ своихъ рѣчахъ и изысканіяхъ. По возможности онъ ихъ провѣрялъ, но нельзя сказать, чтобы вездѣ и всегда. Случалось, что онъ повторялъ ихъ безъ провѣрки, съ ихъ ошибками, хотя бы, напримѣръ, въ рѣчахъ о дачѣ „подъ праздничные святые воды и подъ протопца (Костромского) зъ братьею до Москвы по ямомъ подводъ безъ найму и безъ прогоновъ“, какъ о *безпримѣрной* якобы привилегіи въ то время на Руси (стр. 215; сл. прот. Островскаго стр. 131, 205); занимался вслѣдъ за ними опроверженіемъ того, что требовало не разбора, а лишь правильнаго чтенія рукописной Повѣсти о Θεодоровской иконѣ, ясно относящей „лѣто 6747-е“ не къ явленію послѣдней, а къ нашествію Батыя (стр. 95—96; ср. Островскаго стр. VII, XI—XII). Еще досаднѣе, что нѣкоторыя документальныя данныя о. прот. Островскаго, вѣроятно, по недосмотру переданы нашимъ авторомъ превратно; такъ „колокольница на паперти рубленая“ *деревянной* церкви трехъ московскихъ святителей отнесена имъ къ каменному Троицкому собору (стр. 224—225; сл. Островскаго стр. 188).—Въ довольно значительной части своего сочиненія, а именно въ рѣшеніи специальнаго, ему предложеннаго вопроса, о. Димитрій выступаетъ и какъ самостоятельный относительно писатель, пускающій въ дѣло сравнительно мало извѣстный еще рукописный матеріалъ. Здѣсь приходится прежде всего отмѣтить его, такъ сказать, новоначалность въ ученomъ изслѣдованіи, незнакомство съ строго-научными приѣмами послѣдняго.

Начну съ приложеніи къ его сочиненію. Помѣщенная среди нихъ „Выписка изъ межовой книги г. Костромы 1755 года“, какъ не имѣющая прямого отношенія къ темѣ сочиненія, могла быть безъ всякаго ущерба совершенно опущена, какъ могла быть совершенно оставлена и „Выпись съ Костромскихъ писцовыхъ книгъ“... 7137—7138 г.г. Не было смысла давать послѣднюю въ перефрастическомъ по мѣстамъ изложеніи о. прот. Діева послѣ того, какъ означенныя писцовыя книги въ частяхъ, относящихся до вопроса, занимающаго автора, были уже неоднократно и болѣе исправно изданы о. прот. Островскимъ, И. В. Баженовымъ и друг. Неопытность о. Димитрія, неумѣнье именно обращаться съ рукописнымъ матеріаломъ особенно наглядно сказались въ его первомъ приложеніи. Здѣсь помѣщена имъ Повѣсть о Феодоровской иконѣ Богоматери въ двухъ редакціяхъ: кратчайшей—проложной и болѣе пространной Милютинской. Въмѣсто того, чтобы *дать эту послѣднюю по ея оригиналу*—извѣстной Синодальной рукописи (№ 808, лл. 764—771) *съ вариантами подъ нею изъ другихъ списковъ*, онъ разомъ копируетъ повѣсть съ двухъ изъ нихъ: Импер. Публичн. библ. № 1140 (изъ собр. Титова, конца XVII—нач. XVIII в.) и Синодальнаго и придерживается скорѣе перваго, чѣмъ втораго. Благодаря этой устарѣлой и антинаучной манерѣ, получился у о. Димитрія въ первомъ приложеніи не внушающій къ себѣ довѣрія текстъ. Сличая его съ Милютинскою Четью-Минеею, видишь, какъ онъ неточенъ, а въ концѣ и даже прямо урѣзанъ. Повѣсть о Феодоровской иконѣ Богоматери въ послѣдней оканчивается такъ: „И егда освятиша храмъ во имя (Успенія) пречистыя Богородицы, и оттоле нача именоватися сия многочудесная икона Феодоровская, иже и до днесь именуема посему, еже пренесена отъ древнея соборныя церкви великомученика Феодора внутрь града, в созданную во имя Ея соборную церковь. *И о семъ дозды слово*“. Отмѣченное у насъ курсивомъ о. Димитрій совсѣмъ отбросилъ и не привелъ не изъ тенденціи, лучше думать, а просто какъ непонятную, ничего ему не говорившую фразу и этимъ оскотленіемъ текста памятника, самъ того не подозрѣвая, лишилъ себя надежнаго ключа къ правильному рѣшенію важнѣйшаго въ его сочиненіи вопроса о происхожденіи и взаимоотношеніи различныхъ редакцій Повѣсти: проложной, Милютинской и самой

обширнѣйшей изъ нихъ, именно: „Слова о чудеси и о явленіи пр. Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго Ея чудотворнаго образа, нарицаемаыя Θεодоровскія, како явился на Костромѣ градѣ“ (Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Импер. Археолог. Инстит., вып. XXI, стр. 208). Внимательно, построчно сличивъ Милютинскую повѣсть съ поименованнымъ „Словомъ о чудеси и о явленіи“ Θεодоровской иконы, о. Димитрій не только установилъ бы текстуальную зависимость между ними, но и уяснилъ бы себѣ наглядно не всегда удачную писательскую манеру свящ. Іоанна Милютина—*предположеннаго нами составителя первой* и въ игнорированной фразѣ: „И о семъ дозды Слово“. быть можетъ, увидаль бы съ его стороны *прямое указаніе на ближайшій его источникъ*, т. е. именно ссылку на „Слово о чудеси и явленіи“... Тогда и хронологическая преемственность появления на свѣтъ редакцій Повѣсти получилась бы какъ разъ обратная той, какую онъ старался установить во второй главѣ своего сочиненія: древнѣйшая, по его утверженію, проложная оказалась бы позднѣйшею, изготовленною, быть можетъ, при изданіи на Москвѣ мартовской книги Пролога въ 1662 году. Тщательнѣйшее изученіе разныхъ версій Повѣсти, къ чему о. Димитрія обязывала уже самая формулировка нашей темы, побудило бы его къ болѣе основательному пересмотру вопроса и о прежней нарочитой службѣ на праздникъ явленія Θεодоровской иконы Богоматери и авторѣ ея. Строго-критически отнесшись къ аргументаціи и выводамъ своего предшественника по разработкѣ названной службы, о. В. А. Соколова (Костр. Старина, вып. 5 стрр. 231—241), а главное—сравнивши послѣднюю съ обширнымъ сказаніемъ о Θεодоровской иконѣ не со стороны только содержанія, но и текстуально, онъ навѣрное открылъ бы общность литературной манеры и ихъ составителей. Не прибѣгая вслѣдъ за предшественникомъ къ натянутымъ объясненіямъ явныхъ анахронизмовъ службы (какъ то: „Владычице... укрѣпи славящаго тя царя нашего; Днесь свѣтло красуется градъ Кострома и вся Россійская страна“), онъ призналъ бы въ слагателѣ ея не книжника времени княженія на Руси Ивана III-го, а научно уже образованнаго челоувѣка, замѣтно тронутаго модой риємоплетства, появившейся столѣтіями двумя позднѣе на Москвѣ („Аерь зарю испуцаеть“, „паче

илектра и сапфира сіяючи“, „Да каплють облаци вси сла-
дость, небеса да възвѣщаютъ намъ радость“, „Явися бо боже-
ственная икона твоя, Владычице, На мѣстѣ пустынноѣ на
сосновѣ деревѣ стоящи, Яко многосвѣтлое солнце свѣтомъ зе-
лимъ сіяючи, И лучи милости повсюду испущаючи“...). Съ
отнесеніемъ составленія службы изъ XV въ XVII вѣкъ
отпадаетъ и мнѣніе автора о томъ, что она была, „первымъ
по времени письменнымъ памятникомъ о св. иконѣ и са-
мымъ важнымъ источникомъ для повѣсти о явленіи и чуде-
сахъ ея“ (стр. 56), какъ становится совершенно понятнымъ,
почему празднество въ честь Теодоровской иконы продол-
жается правиться по древней-общей, такъ сказать, службѣ,
потому книжниками XVII в. и переписываемой.

По настоятельно выраженному нами желанію къ рѣшенію
вопроса темы привлеченъ былъ впервые о. Димитріемъ
иконографическій матеріалъ. Имъ описано нѣсколько ста-
ринныхъ иконъ (три Костромскихъ и одна Ярославская)
Теодоровской Богоматери съ такъ называемыми *дьяньми*,
въ которыхъ изображены исторія явленія и чудотворенія
Костромской святыни. Въ этомъ отдѣлѣ ощутительно даютъ
себя знать недостаточная освѣдомленность автора въ спе-
ціальной литературѣ по древне-русской иконописи и про-
исходящая отсюда неувѣренность его въ опредѣленіи времени
написанія иконъ, неумѣнье разбираться въ *палатномъ* на
нихъ письмѣ, неотчетливость описанія изображеннаго и ску-
дость научныхъ выводовъ изъ иконописныхъ данныхъ. Число
рассмотрѣнныхъ иконъ къ тому же весьма ограничено, а
надписи на нихъ, которыя своими палеографическими осо-
бенностями и самымъ своимъ содержаніемъ могли бы руко-
водить нашего автора въ сужденіяхъ о возрастѣ иконъ,
неудовлетворительно изучены и почти не скопированы имъ.

Въ рѣшеніи конечнаго вопроса своей темы, какъ и въ
представленіи древней топографіи Костромы съ ея двумя
последовательно смѣнившимися средоточіями церковно-
гражданской жизни, авторъ не внесъ чего-либо новаго, до
него печатно и публично другими учеными не высказывав-
шагося, а нѣкоторыя попытки его сказать нѣчто оригиналь-
ное нельзя признать вполне удачными, тѣмъ болѣе твердо
обоснованными. Онъ не пролилъ свѣта въ топографію древ-
нѣйшаго города чрезъ изученіе названій его улицъ, путемъ

изслѣдованія расположенія церквей и монастырей. На основаніи извѣстія лѣтописи о томъ, что въ 1416 году „былъ заложенъ (послѣ пожара 1413 г.) городъ Кострома“ (П. С. Р. Л. XIII, 88; XI, 231) и позднѣйшаго сообщенія нѣкоего мѣщанина Тычинкина о „заложениіи каменной Костромы“ 13 мая 1415 года, о. Димитрій относитъ „первое основаніе каменнаго (Костромскаго) Успенскаго собора къ 1415—1416 г.г. Частное сообщеніе по такъ называемой Галичской лѣтописи, разумѣется, прежде всего нужно было провѣрить, а всю аргументацію автора въ защиту этой даты нельзя признать вполне убѣдительною. Путемъ аналогій или сравненія Костромскаго Успенскаго собора съ нѣкоторыми московскими да вдобавокъ еще позднѣйшими храмами, путемъ разсмотрѣнія размѣровъ и качества кирпича и кладки, по настоящее время недостаточно еще изученныхъ, рискованно рѣшительно датировать тотъ или другой памятникъ нашего стариннаго церковнаго строительства. Невольно спрашиваешь себя, почему о. Димитрій считаетъ заложенымъ въ 1415—16 г.г. Успенскій непремѣнно соборъ, а не рядомъ съ нимъ стоявшій Троицкій, къ 30-мъ годамъ XVII в. уже развалившійся? Предположеніе автора, что Троицкій соборъ первоначально былъ деревяннымъ, опровергается писцовыми книгами, которыя онъ имѣетъ въ виду (Островскій, стр. 188), и основано на произвольной съ его стороны подмѣнѣ каменной церкви Троицы деревянною церковью московскихъ святителей. Краткая рѣчь автора о посадскихъ соборахъ, безъ знанія относящейся къ нимъ литературы, ничего въ сущности по данному вопросу не разъясняетъ. Совершенно необъяснимымъ остается у нашего автора и то, почему Успенскій соборъ, построенный въ новомъ „городѣ“ княземъ Василиемъ Димитріевичемъ, вплоть до первой четверти XVII в. остается не только въ тѣни, но и въ полной неизвѣстности. Много въ сочиненіи и частныхъ недостатковъ и промаховъ. Описаніе иконы Божіей Матери Θεодоровской сдѣлано не совсѣмъ у мѣста и довольно поверхностно, безъ сопоставленія съ древнѣйшими копіями ея, до нѣкоторой степени уже приведенными въ извѣстность (Иконописный Сборникъ, вып. IV, стр. 54—63. СПб. 1910). Здѣсь же авторъ нашелъ бы несравненно лучшій, чѣмъ приложенъ у него, и снимокъ съ иконы безъ оклада. Для правильнаго пони-

манія грамоты Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго, отъ 1 августа 1665 года (Островск. стр. 193), автору слѣдовало бы вообще ознакомиться съ храмозданными грамотами того времени, и тогда отъ упоминанія грамоты о паперти онъ уже не сдѣлалъ бы заключенія къ существованію въ то время „галлерей, окружающихъ соборъ“ (стр. 231—2). О. Дмитрій не разъ, вслѣдъ за другими, утверждаетъ, что придѣлъ великомуч. Θεодора Стратилата первоначально находился „въ лѣвомъ предолтаріи Успенскаго собора“. Онъ могъ находиться только въ диаконикѣ, т. е. съ правой стороны алтаря—тамъ, гдѣ онъ обычно тогда устроился въ соборныхъ, монастырскихъ и другихъ сравнительно большихъ церквахъ. Расказавъ о построеніи въ 1770—1 году каменной церкви въ честь Θεодоровской пресв. Богородицы (т. наз. Богоотцовской) „на мѣстѣ бывшей соборной церкви Θεодора Стратилата“, авторъ заключаетъ свою рѣчь: „Такъ кончилась въ 1768—1771 г.г. исторія древняго соборнаго храма“... Ему, какъ и другимъ изслѣдователямъ, остался неизвѣстнымъ хранящійся и по настоящее время въ Богоотцовской церкви антиминсѣ, „священнодѣйствованный пресвященнымъ Сіміономъ Костромскимъ и Галицкимъ 1774 г. инд. 7, мѣа іуліа въ 27 день, во храмъ великомуч. Θεодора Стратилата“. Годъ на антиминсѣ недостаточно ясенъ, но думаемъ, что антиминсѣ освященъ во всякомъ разѣ не Симономъ Тодорскимъ (съ 31 марта 1745 г.), а Симономъ Лаговымъ (съ 6 сент. 1769 г. по 31 марта 1778).—Не безупречно сочиненіе и съ внѣшней стороны: изрѣдка въ немъ встрѣчаются погрѣшности противъ орѳографіи, есть шероховатости въ стилѣ, не мало повтореній и еще больше отклоненій въ сторону. Послѣдній недостатокъ самъ авторъ сознавалъ, рекомендуя рецензенту не читать цѣлаго ряда страницъ (204—212). Онъ ввелъ въ сочиненіе лишнія рѣчи несомнѣнно въ виду другой предположенной имъ задачи. Это самое обстоятельство навело и насъ на мысль остановиться въ отзывѣ нѣсколько дольше на подочетахъ сочиненія, бросившихся въ глаза при чтеніи его, чтобы своевременнымъ предупредженіемъ побудить автора внимательно—осторожно относиться къ чужимъ печатнымъ, а тѣмъ болѣе вдумчиво къ своимъ учено-литературнымъ трудамъ. Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ работа о. Дмитрія въ общемъ

производить хорошее впечатлѣніе. Онъ старательно изучалъ относившуюся къ его темѣ печатную литературу, бывалъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ съ цѣлю отысканія новыхъ матеріаловъ по его вопросу, знакомился не по книгамъ только, но и самолично съ памятниками нашего церковнаго зодчества и отчасти иконописи XVI—XVII в.в. и представилъ въ общемъ очень хорошее сочиненіе. Степени кандидата богословія онъ, разумѣется, заслуживаетъ, вполнѣ“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Надъ составленіемъ своего сочиненія свящ. Лебедевъ не мало поработалъ и отнесся къ избранной темѣ съ видимою любовью. Онъ хорошо ознакомился съ существующей литературой по археологіи и исторіи г. Костромы, длинный списокъ которой приводитъ во вступленіи къ своей работѣ. Источникомъ для него служили матеріалы печатные и рукописные, а также памятники иконографическаго и археологическаго характера. Для ознакомленія съ рукописями и для изученія памятниковъ старины на мѣстахъ авторъ предпринималъ поѣздки въ С.-Петербургъ, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Москву. Сочиненіе снабжено приложеніями, содержащими выписки изъ рукописей, многочисленныя рисунки и планы. Все это нужно поставить въ безспорную заслугу автору. Къ числу недостатковъ сочиненія относится прежде всего произвольное расширеніе темы, особенно замѣтное въ началѣ и въ концѣ сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ не столько о топографіи Костромы и ея храмахъ во имя св. Θεодора Стратилата и Успенія Божіей Матери, сколько пересказывается исторія города вообще. Наоборотъ, въ изслѣдованіи топографіи города можно было бы пожелать большей полноты. Главнымъ письменнымъ источникомъ для свящ. Лебедева служила Повѣсть о Теодоровской иконѣ Божіей Матери. Естественно было бы ожидать, что вниманіе изслѣдователя направится главнымъ образомъ на изученіе этого важнаго для него памятника, но представленный авторомъ анализъ различныхъ редакцій повѣсти и трактатъ объ ихъ взаимномъ отношеніи далеко не является послѣднимъ словомъ въ этой области. Мнѣніе автора объ отношеніи повѣсти къ службѣ и разныхъ редакцій повѣсти между собой не представляется

убѣдительнымъ. Въ изложеніи сочиненія замѣчается не мало повтореній и вообще ему не хватаетъ послѣдней редакціи.

Не смотря на эти недостатки сочиненіе свящ. Лебедева можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ и достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

20) О сочиненіи студента *Малышева Николая* на тему: „Догматическое ученіе Ареопагитикъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Задача автора не отличалась сложностью. Ему достаточно было проштудировать рядъ небольшихъ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, извлечь отсюда съ возможною полнотою весь соотвѣтствующій темѣ матеріалъ, принять во вниманіе отношеніе Ареопагитикъ къ неоплатонизму и изложить все это въ систематическомъ порядкѣ. Правда, чтеніе подлиннаго текста Ареопагитикъ требуетъ значительнаго напряженія, но оно облегчается наличностью русскаго перевода для всѣхъ сочиненій, называемыхъ этимъ собирательнымъ именемъ, за исключеніемъ одного, хотя и самаго обширнаго (Объ именахъ Божіихъ). Но и для этого сочиненія имѣются переводы латинскій и нѣмецкій, вполне достаточные для того, чтобы облегчить работу начинающему автору.

Выполненіе этой задачи г. Малышевымъ представляется удовлетворительнымъ и достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія. Памятникъ, предложенный для изученія, внимательно прочтенъ имъ и содержаніе его понято правильно. Ознакомился авторъ и съ главнѣйшими пособіями, относящимися къ Ареопагитикамъ. Въ самомъ изложеніи догматики Ареопагитикъ не усматривается ошибокъ или искаженія мыслей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ работа автора далека отъ совершенства. Ея главнѣйшимъ недостаткомъ служитъ неполнота и схематичность въ передачѣ догматическихъ идей памятника. Богатое догматическое содержаніе Ареопагитикъ далеко не исчерпано авторомъ. Такъ оригинальное ученіе объ ангелахъ излагается всего на 9 стр. крупнаго письма, а ученіе о церкви, которому составитель Ареопагитикъ посвятилъ довольно обширное сочиненіе О Церковной Іерархіи, г. Малышеву

удалось помѣстить всего на семи страницахъ. Естественно, что при такой краткости и схематичности изложенія остаются не отмѣченными не только детали, но и крупныя положенія, очень характерныя для сочиненій, приписанныхъ св. Діонисію Ареопагиту.

Значительный интересъ представляетъ вопросъ объ отношеніи догматическаго ученія Ареопагитикъ къ неоплатонизму. Предметъ этотъ давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Поэтому г. Малышеву не было необходимости самостоятельно собирать сырой матеріалъ, вужный для отвѣта на вопросъ объ отношеніи Ареопагитикъ къ неоплатонизму. Ему достаточно было использовать тѣ параллели, которыя уже отмѣчены другими изслѣдователями, провѣрить ихъ, критически взвѣсить и принять во вниманіе при систематическомъ изложеніи догматическаго содержанія изучаемаго памятника. При этомъ автору было естественно все обратиться къ той работѣ, въ которой мы находимъ самое детальное сопоставленіе какъ внѣшнихъ, литературныхъ особенностей памятника, такъ и содержащейся въ немъ доктрины съ неоплатонизмомъ въ его формѣ и содержаніи. Такова именно работа Коха *Pseudo—Dionysius Areopagita in seinem Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterienwesen*. Mainz. 1900. Но какъ разъ именно этой книгой авторъ и не сумѣлъ воспользоваться. Въмѣсто этого цѣлыхъ 119 страницъ т. е. почти половину своей небольшой работы онъ заполняетъ изложеніемъ всей исторіи неоплатонизма, начиная Плотининомъ и кончая учениками Прокла. Естественно, что большая часть изложеннаго съ такою подробностью матеріала не имѣетъ никакого отношенія къ Ареопагитикамъ и является совершенно излишнимъ балластомъ. Степени кандидата богословія, какъ было сказано, авторъ заслуживаетъ“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора
А. Д. Бяляева:

„Сообщивши во введеніи (1—21 стр.) краткія библиографическія свѣдѣнія объ Ареопагитикахъ, т. е., о сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ Св. Діонисія Ареопагита, и упомянувши главнѣйшія изслѣдованія о нихъ, г. Малышевъ; въ виду несомнѣнной, по его взгляду, зависимости Ареопа-

гитикъ отъ неоплатонической философіи и особенно отъ философіи Прокла, этого послѣдняго представителя неоплатонизма, въ ученіи котораго неоплатонизмъ проявился въ послѣдней стадіи своего развитія, излагаетъ систему неоплатонизма кратко (21—57 стр.) и философію Прокла подробно (57—142 стр.). Это первая часть его сочиненія, занимающая цѣлую половину его. Во второй половинѣ сочиненія, съ 142 по 289 страницу, изложено догматическое ученіе Ареопагитикъ. „Мы кончили, говоритъ г. Малышевъ, на предпослѣдней страницѣ своего сочиненія, изложеніе догматическаго ученія Ареопагитикъ“. Въ частности онъ изложилъ ученіе Ареопагитикъ о познаніи, о богопознаніи, о Богѣ, о Христвѣ, о мірѣ, объ ангелахъ, о церкви, о таинствахъ, о чловѣкѣ и его заgrabной участи. Наибольше обширно изложено ученіе о познаніи и богопознаніи. При изложеніи неоплатонической философіи г. Малышевъ всего болѣе пользовался Исторіей греческой философіи Целлера, а ученіе Ареопагитикъ изложено имъ, повидимому, по самымъ сочиненіямъ, частію подлиннымъ, содержащимся въ 3-мъ томѣ греческой серіи Патрологіи Миня, частію по переводамъ ихъ на русскій языкъ. Кроме того, какъ при изложеніи ученія неоплатониковъ и Ареопагитикъ, такъ и въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ о разныхъ пунктахъ ученія этихъ послѣднихъ и объ отношеніи этого ученія къ неоплатонизму онъ руководствовался сочиненіями и статьями трехъ-четырехъ нѣмецкихъ и одного французскаго ученаго.

Изложеніе Ареопагитикъ сопровождается критическими замѣчаніями, но эти послѣднія бѣглы и какъ бы случайны. Даже въ рѣшеніи главнаго, первостепенной важности, вопроса о томъ, дѣйствительно-ли Ареопагитики написаны не Діонисіемъ Ареопагитомъ, а появились въ концѣ 5-го или въ началѣ 6-го вѣка, какъ полагаютъ ученые, и вслѣдъ за ними Малышевъ, и были написаны хотя и христіаниномъ, но не отрѣшившимся отъ неоплатонической закваски, замѣтенъ тотъ пробѣлъ, что г. Малышевъ не счелъ нужнымъ не только изложить и опровергнуть мнѣніе о томъ, что Ареопагитики были написаны Діонисіемъ Ареопагитомъ, но даже и упомянуть имена приверженцевъ этого взгляда. А между тѣмъ къ этому взгляду склонялся выдающійся знатокъ не только печатной, но и рукописной греческой богословской.

частнѣ церковно-богослужебной, патристической, церковно-исторической и библиологической, литературы, епископъ Порфирій (Успенскій). Уже одно то обстоятельство, что онъ исколесилъ православный Востокъ вдоль и поперекъ, прожилъ тамъ десятки лѣтъ и читалъ и изучалъ греческія рукописи въ тамошнихъ монастыряхъ, даетъ ему огромное преимущество въ знаніи православнаго Востока и его древней литературы предъ нѣмецкими учеными, изъ которыхъ многіе на Востокъ совсѣмъ даже и не были. Но г. Малышевъ только одинъ разъ сослался на сочиненіе епископа Порфирія, и или совершенно не знаетъ, какого взгляда держался Порфирій на Ареопагитики, или не призналъ нужнымъ изложить и опровергнуть его взглядъ. То и другое одинаково не извинительно. Вообще критики въ сочиненіи г. Малышева мало. Но зато онъ хорошо ознакомился съ содержаніемъ Ареопагитикъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ и подробныхъ, а не глухихъ, цитатъ изъ 3-го тома Патрологіи Миня, которыми испещрены поля бѣльшей части его сочиненія. Такой трудъ нельзя не признать значительнымъ. Кромѣ того, ему пришлось, хотя и изъ вторыхъ рукъ, знакомиться съ системой неоплатонизма и изложить ее, а потомъ сопоставлять по пунктамъ ученіе Ареопагитикъ съ неоплатонической философіей для подтвержденія сходства между ними. Можетъ быть не было настоящей надобности излагать особо и нарочито ученіе неоплатониковъ, а потомъ опять указывать на пункты, сходные въ немъ съ ученіемъ Ареопагитикъ; можетъ быть лучше было бы изложить, напр., ученіе Ареопагитикъ о познаніи и богопознаніи и сейчасъ же привести сходное съ нимъ ученіе неоплатониковъ. Но г. Малышевъ усложнилъ свой трудъ, вѣроятно, съ цѣлію нагляднѣе показать сходство ученія Ареопагитикъ съ неоплатонизмомъ.

Въ сочиненіи г. Малышева есть выраженія, которыя показываютъ, что иногда онъ относился къ прочитанному какъ-то механически, не давая себѣ яснаго отчета. Такъ на страницѣ 53-й русская рѣчь заканчивается нѣмецкими словами *u. s. w.*; на страницѣ 55 Макарій названъ Магнетъ. Неужели онъ не догадался, что по русски слѣдовало бы сказать „Великій?“ Есть выраженія, которыя хотя и вошли въ употребленіе, но которыхъ слѣдовало бы избѣгать ради

соблюдения чистоты русского языка, какъ, напр., штудироваль (55 стр.) игнорируетъ (146 стр.). Но такія и подобныя имъ выраженія составляютъ въ сочиненіи исключеніе. По изложенію и языку сочиненіе хорошее. Для присужденія автору его степени кандидата оно вполне удовлетворительно“.

21) О сочиненіи студента священника *Медвѣдкова Пантелеимона* на тему: „Ученіе о воскресеніи мертвыхъ въ доникейскій періодъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе свящ. Медвѣдкова написано по вполне естественному плану и въ существенныхъ чертахъ исчерпываетъ тему. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію ученія о воскресеніи мертвыхъ въ христіанской литературѣ, онъ вводитъ двѣ предварительныхъ главы, въ которыхъ даетъ очеркъ греко-римскихъ и іудейскихъ представленій о послѣдней судьбѣ человѣка, объясняющій въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣкоторыя особенности въ ученіи о воскресеніи церковныхъ писателей доникейскаго періода. Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ содержится изложеніе ученія о воскресеніи мертвыхъ мужей апостольскихъ, апологетовъ, противогностическихъ писателей и александрийцевъ. Такимъ образомъ, въ общемъ содержаніи сочиненія можно отмѣтить лишь два пробѣла: во-первыхъ, гностическія представленія о воскресеніи, во многомъ объясняющія ученіе антигностическихъ писателей, затронуты слишкомъ поверхностно, во-вторыхъ, свое изслѣдованіе авторъ заканчиваетъ Оригеномъ, а не Меѳодіемъ Олимпійскимъ, и вслѣдствіе этого его сочиненію не хватаетъ естественнаго завершенія. Впрочемъ эта неполнота извиняется подробностью въ изложеніи тѣхъ сторонъ темы, которыя получили свое мѣсто въ сочиненіи. Какъ показываютъ примѣчанія и самое содержаніе сочиненія, авторъ хорошо ознакомился съ источниками. Главнѣйшіе памятники святоотеческой литературы имъ внимательно прочтены. Не довольствуясь ихъ русскимъ переводомъ, авторъ нерѣдко обращается къ подлиннымъ текстамъ. Въ достаточной мѣрѣ исчерпана также и литература предмета, хотя нельзя не пожалѣть, что иностранная литература видимо затрудняетъ

автора. Къ числу достоинствъ работы нужно отнести тотъ интересъ и одушевленіе, съ которыми авторъ занимался своимъ предметомъ. Всюду онъ стремится осмыслить факты, разбить ихъ на группы по сходству содержанія, выяснитъ ихъ связь между собою и дать имъ рационально-богословское оправданіе. Но въ этомъ же лежатъ и многочисленныя частныя недочеты труда, указывающіе на недостаточную дисциплину пера и мысли. Перомъ авторъ владѣетъ хорошо, но можетъ быть именно вслѣдствіе этого отчасти злоупотребляетъ имъ, отчасти же мало работаетъ надъ своимъ стилемъ. Сочиненію его прежде всего не достаетъ послѣдней редакціи. Въ немъ встрѣчается не мало фразъ непонятныхъ, неправильно построенныхъ, написанныхъ сгоряча и наскоро и потомъ не исправленныхъ. Такое же неприятное впечатлѣніе производитъ замѣчаемое по мѣстамъ многословіе и повтореніе ранѣе сказаннаго. Большой контроль нуженъ былъ и для мысли. Понятія, съ которыми имѣетъ дѣло авторъ, не всегда выступаютъ съ точно опредѣленнымъ содержаніемъ и не всегда сохраняютъ одно и то же значеніе на протяженіи всей работы. Сюда относится напр. характеристика „матеріалистическаго и спиритуалистическаго направленія“ въ ученіи о воскресеніи мертвыхъ. Мысль автора въ этой характеристикѣ и не совсѣмъ ясна и по существу неправильна. Матеріализма въ воззрѣніяхъ церковныхъ писателей вовсе не было, а спиритуализмъ вообще былъ чуждъ мысли древнихъ и есть произведеніе новѣйшей философіи. Если бы авторъ строже различалъ понятія, то онъ скорѣе назвалъ бы два направленія, о которыхъ идетъ рѣчь, реалистическимъ и идеалистическимъ. Сверхъ того и самыя особенности того и другого направленія не выяснены въ достаточной мѣрѣ. Такою же неотчетливостью и колебаніемъ отличается у автора понятіе тожества умершихъ и имѣющихъ воскреснуть тѣлъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросается въ глаза невнимательное отношеніе автора къ тексту памятниковъ. Въ этихъ случаяхъ онъ не столько анализируетъ ихъ, сколько беретъ исходной точкой для своихъ собственныхъ размышленій, такъ что иногда трудно бываетъ установить, гдѣ кончаются данныя памятника и гдѣ начинаются домыслы самого автора. По мѣстамъ мы находимъ въ сочиненіи излишнія подробности. Такъ въ немъ излагается почти вся

догматическая система св. Иринея, хотя было бы совершенно достаточно остановиться на одной лишь его эсхатологии. Всѣ эти недостатки сочиненія отличаются впрочемъ частичнымъ характеромъ и не препятствуютъ признать сочиненіе свящ. Медвѣдкова очень хорошимъ, а автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарпева*:

„Сочиненіе—довольно обширное. Работалъ авторъ по первоисточникамъ. Съ его интерпретаціями евангельскаго ученія можно спорить. Послѣдній выводъ его—„исторія ученія о воскресеніи мертвыхъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры представляетъ собою борьбу двухъ концепцій, матеріалистической и спиритуалистической, и послѣдовательную смѣну ихъ“—едва-ли удовлетворитъ тѣхъ, которые представляютъ себѣ вѣрованія христіанства твердо установившимися съ первыхъ дней его существованія. Но послѣднее слово принадлежитъ тѣмъ памятникамъ, съ которыми авторъ имѣлъ дѣло и которыя онъ изучилъ добросовѣстно. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

22) О сочиненіи студента *священника Миловскаго Николая* на тему: „Ветхозавѣтное ученіе о примиреніи съ Богомъ въ его отраженіи на богослужебныхъ дѣйствіяхъ ветхозавѣтнаго культа“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе отца Миловскаго состоитъ изъ небольшого введенія, 4 главъ и послѣсловія. Въ введеніи авторъ даетъ общій эскизъ Библейской амартологии, пользуясь главнымъ образомъ типичнымъ мѣстомъ ветхозавѣтной Библии: Быт. VI, 3, 5 и 7, причемъ при толкованіи имѣетъ въ виду текстъ еврейскаго подлинника. Въ первой главѣ своего сочиненія о. Миловскій излагаетъ взгляды западныхъ богослововъ на очистительное дѣйствіе ветхозавѣтныхъ жертвъ, останавливаясь на теоріяхъ Гофманна (по его работѣ *Der Schriftbeweis*), Ричля (по *Rechtfertigung und Versöhnung*), Рима (по *Der Begriff der Sühne im alten Testament*) и Шмоллера (по *Das Wesen der Sühne in der alttestamentlichen Opfertora*); во второй главѣ

авторъ детально изучаетъ смыслъ глагола кафаръ и его дериваціи по даннымъ Библейской лексики и по Библейскимъ конкордаціямъ масоретскаго текста и перевода LXX. Библейская статистика формъ здѣсь представлена полно, а отсюда на почвѣ эмпирическаго словотолкованія выводы автора приобрѣтаютъ достаточную убѣдительность. Необходимость филологическаго изученія корня кафаръ и его производныхъ открывается уже изъ одного того обстоятельства, что дериваціи глагола весьма расходятся на первый взглядъ по значенію, когда, напримѣръ, кафаръ, какъ имя, обозначаетъ селеніе, коферъ—смола или выкупъ, а кефиръ—молодаго льва. Исходя изъ правильной предпосылки, что первоначальнымъ значеніемъ еврейскихъ корней является ихъ матеріалистическій смыслъ, авторъ въ своемъ изслѣдованіи переходитъ отъ грубо чувственнаго значенія кафаръ, какъ указанія на покрытіе чѣмъ-либо вещественнаго предмета, къ его метафорическому употребленію въ сотеріологическихъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ писаній и вообще въ области Библейской этики. Въ 3-ей главѣ сочиненія о. Миловскій собственно даетъ опытъ разрѣшенія тематическаго вопроса объ отраженіи ветхозавѣтныхъ богословскихъ идей на дѣйствіяхъ культа скинии и храма. Для этой центральной главы въ сочиненіи написанное авторомъ до нея нужно признать отдѣломъ служебнымъ, пропедевтическимъ. Третья глава открывается у автора сообщеніемъ данныхъ изъ общей терминологіи жертвеннаго обряда—бійя, семиха, шехита, зерика, кетира. По образцу изслѣдованій въ области жертвеннаго обряда авторъ много говоритъ объ очистительномъ дѣйствіи крови, являющейся какъ *anima purgans*, какъ сѣдалище жизненной силы. Сообразно четырехчастному дѣленію ветхозавѣтныхъ жертвъ писавшему приходилось послѣдовательно говорить объ очистительномъ (экспіативномъ) дѣйствіи жертвы всесожженія, жертвы мирной, жертвы за грѣхъ и жертвы за вину. Насколько ясно опредѣляется въ жертвенномъ законѣ различіе всесожженія (жертвы вознесенія—оля) отъ жертвы мирной, настолько тѣсно роднятся хатат и ашам, жертвы за грѣхъ и за проступокъ, а потому автору пришлось начать съ дифференціаціи этихъ смежныхъ видовъ ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній. Въ виду различенія ветхозавѣтныхъ жертвъ по матеріалу автору нужно было от-

дѣльно описывать кровавыя и безкровныя приношенія, причѣмъ къ послѣднимъ имъ отнесены помимо мнѣхи, хлѣбнаго приношенія, и несехъ, возліяніе вина, еще помазаніе елеемъ, воскуреніе «иміама въ святилищѣ и денежный корбанъ—кесефъ гаккиппуримъ. Эскурсомъ въ область ритуала дня очищенія авторъ замыкаетъ эту важную главу въ сочиненіи. 4 глава посвящена выясненію взгляда агіографическихъ писателей и пророковъ на очистительное значеніе жертвенныхъ обрядовъ, съ обращеніемъ особаго вниманія на псалмы и пророческія книги Исаи и Іезекиіля. Авторъ устанавливаетъ измѣненіе въ воззрѣніи на происхождение и сущность грѣха, каковой изъ понятія „грѣшное дѣло“ становится символомъ грѣховной *настроенности*, хотя бы и лишенной волевыхъ проявленій вовнѣ. Благодаря этому значеніе обряда ступшевывается, блѣднѣетъ, однако у пророка Іезекиіля находится не мало указаній и на необходимость точнаго соблюденія обрядовыхъ установленій при условіи неуклонной выработки нравственно-подходящихъ настроеній. Такова общая схема работы о. Миловскаго. Правильный методъ, сознание безусловной важности еврейскаго языка для рѣшенія ветхозавѣтныхъ бібліологическихъ проблемъ составляютъ достоинство рецензируемаго сочиненія, авторъ вѣрно цѣнитъ значеніе рабочихъ филологическихъ гипотезъ и положеній, склоненъ заниматься по подлинному тексту съ словаремъ и конкорданціею. Синтезъ данныхъ ветхозавѣтнаго богословія и ветхозавѣтной литургіологіи данъ въ вполнѣ удовлетворительной формѣ, и всѣ научные этапы пройдены писавшимъ твердо и съ пользою.

Изъ недостатковъ въ сочиненіи можно отмѣтить: 1) нѣкоторую повторяемость матеріала, обсуждаемаго въ первой главѣ, во 2 главѣ, когда идутъ тѣ же имена Гофманна, Ричля, Рима и Шмоллера. Во второй главѣ вмѣсто повторительнаго изложенія данныхъ еврейскихъ словарей лучше было бы привести посильныя справки изъ глоссаріевъ языковъ, сродныхъ еврейскому, на примѣръ сирскаго и арабскаго. Нѣкоторыя данныя изъ ассиро-вавилонскаго вокабулярія приводятся авторомъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ третьей главѣ нѣсколько фактическихъ неточностей, такъ напрасно авторъ полагаетъ, что помимо исповѣданія грѣховъ при возложеніи рукъ на жертвенное животное ветхозавѣтныи культъ

не зналъ никакихъ молитвъ, напомнимъ молитву при принесеніи первыхъ плодовъ; неточно присоединеніе къ отдѣльнымъ актамъ жертвоприношенія еще охля, какъ обозначеніе акта потребленія жертвеннаго мяса помимо его сожженія (т. е. части священниковъ и мірянъ, послѣднее при жертвѣ мирной); терминъ „апликація“ крови хотя и точенъ, но въ нашемъ языкѣ представляетъ неологизмъ. Предполагаемая авторомъ крестообразная тенуфа (стр. 144) не подтверждается библейскими и раввинистическими данными; выраженіе „антропоморфизмъ“ при рѣчи о реяхъ ниhoaхъ—обоняніи Іеговою жертвеннаго запаха удобнѣе замѣнить чрезъ „антропатизмъ“ (стр. 148). Требуяъ поясненія выраженія: конкретные грѣхи (т. е. дѣйствительные, совершенные, стр. 149); вербальное самопожертвованіе стр. 190 (т. е. только на словахъ); неудобно выраженіе „кулинарное“ искусство стр. 193. Выраженіе „субституція“ при рѣчи о замѣнѣ смерти грѣшника смертью животнаго или о замѣнѣ кроваваго жертвоприношенія безкровнымъ хотя и точно, но лучше было бы передавать его описательно, равно выраженіе „суррогатъ“ при рѣчи о взаимномъ отношеніи минхи и кровавой жертвы (стр. 199). Рѣчь автора о возліяніи сикера на жертвенникѣ не имѣетъ въ свое подтвержденіе библейскихъ и талмудическихъ данныхъ. Слишкомъ тяжеловѣсно сказано о помазаніи, какъ знаменующемъ *restitutio in integrum*, равно болѣе чѣмъ условно приписаніе реченію „Азазель“ значенія признака мѣста въ пустынѣ, куда изгонялся второй козель въ обрядности дня очищенія. Большую пользу для выводовъ автора могло бы принести изученіе талмудическихъ и мидрашическихъ взглядовъ на жертвоприношенія ветхозавѣтнаго культа, особенно знакомство съ литургіею дня очищенія и постныхъ дней въ синагогѣ по махзору. Осторожное пользованіе патристическими данными позволило автору отдѣлать новозавѣтную точку зрѣнія на жертвенные акты ветхозавѣтнаго культа отъ воззрѣній самихъ священныхъ писателей еврейской древности. Степени кандидата богословія о. Миловскій вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Въ краткомъ введеніи (1—14 стр.) своего сочиненія о Миловскій указываетъ на важность филологическаго анализа

глагола רָצַח съ производными отъ него словами въ цѣляхъ выясненія ветхозавѣтной идеи примиренія. Въ 1-й главѣ (стр. 15—92) онъ даетъ критическій обзоръ взглядовъ Hofmann'a, Ritschl'я и Schmolter'a на значеніе רָצַח . Во 2-ой главѣ (стр. 93—130), въ цѣляхъ выясненія положительнаго смысла רָצַח въ его дериваціями, авторъ, на основаніи библейскихъ словарей и конкорданцій, даетъ филологическія справки по вопросу о значеніи רָצַח . 3-я и 4-я главы (стр. 131—336) выясняютъ идею примиренія по ритуальному законодательству Моисея и по учительнымъ и пророческимъ книгамъ. Въ заключеніе сочиненія предлагаются общіе положительные выводы.

Представляя изъ себя кропотливую работу, сочиненіе о Миловскаго обнаруживаетъ въ авторѣ большой навыкъ разбираться въ тонкостяхъ еврейскаго языка. Библейско-историческая наука и археологія особенно нуждаются въ работникахъ, которые могли бы прикасаться къ оригинальному тексту священныѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ пониманіемъ ихъ языка въ цѣляхъ установленія первоначальнаго смысла и значенія еврейской терминологіи. О. Миловскій и является такимъ работникомъ.

Конечно его трудъ не свободенъ отъ недостатковъ, общихъ почти всѣмъ курсовымъ сочиненіямъ. Одинъ изъ главныхъ недочетовъ его работы состоитъ въ недостаточномъ изученіи литературы его вопроса. Его критическая часть работы (гл. 1-я) ограничивается обзоромъ, главнымъ образомъ, взглядовъ на идею примиренія только трехъ представителей западной науки (Hofmann'a, Ritschl'я и Schmolter'a). Онъ почти совсѣмъ не касается цѣнныхъ журнальныхъ статей, хотя бы германскихъ богослововъ, которые, какъ намъ извѣстно, нередко затрогивали въ послѣднее время его вопросъ. Его филологія слова רָצַח базируетъ главнымъ образомъ на лексиконахъ Stade и Gesenius'a и на конкордаціяхъ Fuerstion Nath'я и Redpath'я, тогда какъ у насъ имѣются и новѣйшіе лексиконы, наиримѣръ König'a, и прекрасные комментаріи, которые могли быть весьма полезны автору. Почти обойдена имъ и святоотеческая литература, которая помогла-бы автору разсмотрѣть ветхозавѣтную идею примиренія во свѣтъ Новаго Завѣта, чего не сдѣлалъ авторъ.

Но указанные недостатки извиняются, однако, тѣмъ, что

о. Миловскій все же обследовалъ взгляды на ветхозавѣтную идею примиренія наиболѣе видныхъ представителей богословской науки и обследовалъ ихъ не какъ диллетантъ въ области еврейской филологіи, но какъ работникъ, хорошо понимающій задачу своей работы и вполнѣ соизмѣрившій съ нею свои силы, которыхъ у него было достаточно для успѣшнаго завершения дѣла. Послѣднее обстоятельство восполнило тѣ недочеты, которые были бы особенно замѣтны у другого, недостаточно знающаго еврейскій языкъ, библеиста, если бы онъ не ознакомился съ лучшими библейскими словарями. Почти не касаясь святоотеческой литературы, авторъ, какъ православный апологетъ-богословъ, всегда обосновываетъ свои сужденія на твердомъ основаніи—на словѣ Божіемъ.

Въ виду сказаннаго, считаемъ сочиненіе о. Миловскаго вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

23) О сочиненіи студента іеромонаха *Николая (Могилевскаго)* на тему: „Ученіе аскетовъ о страстяхъ“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Уже въ своемъ краткомъ введеніи къ сочиненію авторъ весьма опредѣленно поставилъ рамки для своей работы и заранѣе предсказалъ тотъ ея основной характеръ и направленіе, котораго дѣйствительно и присущи его работѣ. „Мы не задаемся научными цѣлями, говоритъ авторъ (стр. 5), задача наша проще и конкретнѣе,—поучиться въ цѣляхъ назиданія у св. отцовъ-аскетовъ столь жизненному вопросу“, т. е. вопросу о страстяхъ. Этотъ уголъ зрѣнія дѣйствительно характеренъ для всей его работы, какъ онъ и самъ говоритъ. Онъ предвидитъ и обвиненіе въ ненаучности работы и по его откровенному заявленію не боится этого упрека въ ненаучности. Поэтому и рецензенту сочиненія напрасно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ этого сочиненія именно съ научной точки зрѣнія. Авторъ остался вполнѣ вѣренъ своему заявленію и далъ въ сочиненіи дѣйствительно назидательное чтеніе для всякаго, кто хотѣлъ бы поучиться у св. отцовъ дѣлу борьбы со страстями и содѣванію своего спасенія. Конечно, слѣдовало-бы автору помнитъ, что вѣдь онъ пишетъ не популярную и изъ любви къ искусству пред-

принятую брошюру, а все-же *научную кандидатскую работу* и съ опредѣленной цѣлю.

Собственно и труда большого не составило-бы ввести тотъ научный элементъ въ работу, который придалъ бы ей совершенно иной характеръ, разумѣя, въ данномъ случаѣ, хотя бы краткое сопоставленіе съ выводами и данными научной психологіи и философіи. Это было-бы даже интересно въ цѣляхъ прямого возвеличенія св. отцовъ-аскетовъ, которые, говоря откровенно, превзошли глубиной и меткостью своего психологическаго анализа многихъ почтенныхъ новѣйшихъ ученыхъ изъ этой области. Правда здѣсь являлось дѣломъ труднымъ то, чего у автора нѣтъ въ сочиненіи—разумѣемъ болѣе или менѣе глубокой внутренней анализъ самой природы человѣка и въ частности тѣхъ ея проявленій, которыя называются грѣхомъ, страстью, порокомъ. Отклонивъ отъ себя всякую научную задачу въ своемъ изслѣдованіи, авторъ естественно не считалъ нужнымъ и въ раскрытіи ученія о страстяхъ измѣнить сколько нибудь принятый имъ и конечно весьма удобный въ цѣляхъ назиданія методъ изслѣдованія—чисто описательный, сводный по характеру и механической по существу. Но, какъ говорятъ, на *нѣтъ* и суда *нѣтъ*; вотъ почему и намъ приходится говорить о сочиненіи съ той точки зрѣнія только, поскольку оно является выполненіемъ поставленной авторомъ задачи.

Для назидательнаго чтенія оно очень хорошо и полезно. Авторъ трудился весьма добросовѣстно: перечиталъ массу святоотеческихъ твореній (почему-то только не о всѣхъ онъ упомянулъ въ перечнѣ источниковъ); сопоставилъ ихъ и группировалъ по внутренней связи и достаточно ярко и выпукло изобразилъ ихъ словами всю страстную жизнь грѣховнаго человѣка. Самый процессъ образованія страсти—процессъ внутренней, тайный для взора, видимый только уже въ послѣднемъ актѣ *грѣха* какъ дѣла,—природу ихъ и основу въ душѣ человѣка, взаимное соотношеніе и средство—все это у автора достаточно полно и ясно. Вторая половина сочиненія очень обстоятельно излагаетъ приѣмъ борьбы со страстями и вводитъ читателя въ интимную сторону жизни подвижника, хорошо объясняя даже и незнакому съ подвигомъ и борьбой, причину, и основаніе, и смыслъ тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сторонъ и явленій подвижниче-

ской жизни, которыя сами по себѣ могутъ казаться не понятными, а на фонѣ раскрытія природы страстей и задачи борьбы съ ними для улучшенія спасенія должны восприниматься какъ не только вполне нормальныя, но и необходимыя. Повторяемъ: добросовѣстность автора въ предѣлахъ поставленной имъ задачи труда несомнѣнное достоинство его работы, при ясности и литературной обработкѣ рѣчи. Намъ показалось только, что у автора сравнительно мало выяснена „почва“ образованія страстей въ природѣ человѣческой души. Нужно было по существу дѣла выяснить то „растляніе души“ которое произвелъ въ человѣкѣ „грѣхъ“; тогда понятно бы было и то, почему „помысль“ можетъ вызвать образованіе страстей. У автора хорошо изображенъ, хотя и не полно до конца, процессъ развитія изъ „помысла“ страсти, но вѣдь нужно объяснить, въ чемъ та злая сила или матерія, которая оплодотворяетъ помысль и ведетъ его къ превращенію въ страсть. Худая земля нашей души, какъ слѣдствіе грѣхопаденія, у автора не обследована и не подвергнута анализу; повторяемъ: процессъ развитія страсти указанъ, а природа ея и источникъ начало обследованы не достаточно. И въ самомъ описаніи процесса „страсти“ у автора есть недочеты. Нужно-бы различать яснѣе процессъ развитія грѣха, какъ отдѣльнаго грѣховнаго акта, и образованіе страсти, какъ уже грѣховнаго навыка (см. стр. 30 и сл.). Затѣмъ у автора „плѣненіе“ какъ бы не входитъ въ процессъ образованія страстей, а оно есть уже страсть—окрѣпшая. Авторъ здѣсь вообще не достаточно продумалъ тонкости психологическаго процесса и смѣшиваетъ процессъ развитія всякаго грѣха и образованіе страсти.

Вотъ почему у него и получилось такое неточное для разграниченія понятій страсти и грѣха утвержденіе на стр. 110-й, что „страсть переходитъ въ грѣхъ, а грѣхъ дѣлается страстью“ (см. и слѣд. слова на этой же страницѣ). Можетъ показаться для читателя еще страннымъ и то, что авторъ понятіе о страсти даетъ не въ первыхъ главахъ своего труда, а только уже со 106 стр. (всего сочиненіе имѣетъ 200 стр.), т. е. съ половины, такъ что доселѣ авторъ говорилъ о страсти какъ о чемъ то искомомъ и невѣдомомъ. Почему такъ поступилъ авторъ,—непонятно. Впрочемъ опредѣленіе понятія страсти по существу дано правильно.

Всѣ эти недостатки не умаляютъ достоинствъ сочиненія, какъ весьма назидательнаго и интереснаго чтенія и для удостоенія автора степени кандидата богословія вполне достаточнаго“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Николая предваряется небольшимъ введениемъ, гдѣ авторъ опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія въ передачѣ и систематизаціи мыслей подвижниковъ о страстяхъ и о борьбѣ съ ними. Авторъ затрогиваетъ здѣсь вопросъ о простотѣ разсужденій отцовъ въ отличіе отъ сложныхъ построеній психологической науки, однако, не смотря на такую простоту, сочиненія христіанскихъ аскетовъ бесспорно содержатъ элементы той науки, какую можно было бы назвать специфически христіанскою психологіею, а поэтому и работа о. Николая имѣетъ полное основаніе считаться серіею объединенныхъ серьезныхъ научныхъ этюдовъ: 1) о происхожденіи страсти, 2) о видахъ страстей съ анализомъ каждой частной страсти и 3) о борьбѣ съ отдѣльными страстями. Все сочиненіе показываетъ въ писавшемъ человѣка, внимательно изучившаго творенія аскетовъ, этихъ, по его выраженію, „піонеровъ духовной жизни“ (послѣсловіе). О. Николай видѣлъ въ своей темѣ по-преимуществу вопросъ „моральный“ (послѣсловіе), но онъ написалъ не просто назидательное разсужденіе, а бесспорно цѣнный психологическій очеркъ. Отмѣтивъ исходный пунктъ христіанской психологіи *κατ' ἐξοχήν* въ ученіи о грѣхѣ, о разстройствѣ потребностей, силъ и способностей человѣка, т. е. о ненормальности извѣстныхъ намъ опытно человѣческихъ состояній, авторъ послѣдовательно проходитъ путь изученія возникновенія, развитія и укорененія въ падшей природѣ человѣка страстныхъ состояній. Сообразно восточной аскетической системѣ авторъ говоритъ о 8 главныхъ страстяхъ, группируя ихъ въ плотскія (2) и душевныя (6). Въ отдѣлѣ о борьбѣ со страстями авторъ пытается подойти къ постановкѣ вопроса о взаимоотношеніи вѣли человѣка и благодати Божіей и настойчиво отмѣчаетъ внутренній характеръ борьбы. Въ заключительныхъ словахъ о безстрастїи о. Николай собственно говоритъ о сверхъопытномъ состояніи,

являющемся на дѣлѣ скорѣе потенціею въ земныхъ условіяхъ жизни. Недостаткомъ сочиненія нужно признать отсутствіе исторической перспективы: для дифференцірованія воззрѣній аскетовъ—писателей полезно было бы сказать, какъ думали о страстяхъ человѣка писатели не аскеты и даже не христіане, конечно классической и церковной древности, какіе способы борьбы они предлагали и т. п., но въ предѣлахъ учебнаго года о. Николай сдѣлалъ возможное и вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

24) О сочиненіи студента *Мурашева Алексѣя* на тему: „Космологія отцовъ и учителей церкви первыхъ четырехъ вѣковъ въ отношеніи къ греческой философіи“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Первыя четыре главы сочиненія г. Мурашева представляютъ собою подготовительную часть работы. Въ нихъ излагается философская космологія Платона, Аристотеля, стоиковъ, Филона Александрійскаго. Автору нельзя поставить въ вину того обстоятельства, что онъ излагаетъ ученіе перечисленныхъ мыслителей по курсу Целлера (*Geschichte der Philosophie der Griechen*) какъ потому, что его главной задачей было изученіе не философской, а патристической космологіи, такъ и потому, что высокія достоинства и полнота труда Целлера позволяютъ даже очень извѣстнымъ изслѣдователямъ патристической литературы въ своихъ справкахъ изъ области исторіи греческой философіи довольствоваться этимъ замѣчательнымъ курсомъ, не обращаясь къ первоисточникамъ. Къ тому же справедливость требуетъ сказать, что г. Мурашеву не совсѣмъ чуждо и знакомство съ философскими первоисточниками по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они имѣютъ болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ изученнымъ имъ патристическимъ текстамъ. Такъ напр. имъ протудировано сочиненіе Филона *De officio mundi*.

Въ главной части сочиненія излагается космологія апологетовъ, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Оригена, Василия Великаго, Григорія Нисскаго. Этотъ перечень главъ сразу даетъ замѣтить въ сочиненіи г. Мурашева два пробѣла: во-первыхъ отсутствіе космологіи гностиковъ и св. Иринея, во-вторыхъ опущеніе западныхъ писателей—Амбро-

сія Медіоланскаго и бл. Августина. Хотя гностицизмъ является необходимымъ звеномъ въ развитіи христіанской мысли, но его опущеніе находитъ для себя оправданіе въ буквальному смыслу темы, ставящей вопросъ лишь о космологіи отцовъ и учителей церкви, равно какъ и въ томъ, что изслѣдованіе космологіи гностицизма въ его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ до крайности усложнило бы работу автора. Отсутствіе же трактатовъ о космологіи Амвросія Медіоланскаго и бл. Августина объясняется тѣмъ, что при обширности представленнаго труда (494 стр.) авторъ не имѣлъ достаточно времени для его окончательнаго завершенія.

Сочиненіе г. Мурашева не свободно отъ недостатковъ. Не касаясь недочетовъ частнаго характера, ошибочныхъ замѣчаній, неточныхъ выраженій, остановимся лишь на болѣе важномъ. Весьма досаднымъ является прежде всего тотъ фактъ, что авторъ взялъ всѣ матеріалы для изложенія космологіи апологетовъ изъ книги Müller'a „Geschichte der Kosmologie in der griechischen Kirche bis auf Origenes. Halle 1860. Между тѣмъ вовсе не представляло большой трудности ознакомиться съ ученіемъ апологетовъ по ихъ собственнымъ немногочисленнымъ и необширнымъ сочиненіямъ.

Космологію авторъ понимаетъ широко. Онъ включаетъ въ нее и понятіе о Богѣ, поскольку оно стоитъ въ связи съ ученіемъ о твореніи міра, и идею Логоса, какъ творческой силы Божіей. Но давъ такую широкую постановку вопросу, слѣдовало остаться вѣрнымъ ей на протяженіи всего сочиненія. Между тѣмъ у автора мы этого не замѣчаемъ. Уже въ главѣ, посвященной Тертуллиану, онъ не касается ни понятія о Богѣ, ни идеи Логоса. При изложеніи же ученія Василия Великаго и Григорія Нисскаго ограничивается исключительно ихъ шестодневами, хотя устраненіе изъ богословскаго мышленія IV в. идеи Логоса какъ посредника, столь выдвинутой авторомъ при изложеніи ученія предшественниковъ писателей, и измѣнившееся вслѣдствіе этого представленіе о характерѣ творческаго отношенія къ міру Лиць Св. Троицы требовало, согласно намѣренію самого автора, гораздо большаго вниманія.

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ сочиненіе г. Мурашева отличается большими достоинствами. Философскій и патристическій матеріалы использованы имъ въ достаточной мѣрѣ.

Философскія теоріи и ученіе церковныхъ писателей изложены въ общемъ правильно, отчетливо, языкомъ легкимъ, гибкимъ и выразительнымъ. Не оставлены безъ вниманія и важнѣйшіе труды изъ литературы предмета. Въ качествѣ особенно цѣнной черты нужно отмѣтить стремленіе автора внести прагматизмъ въ изложеніе фактовъ, изобразить все развитіе космологіи, начавшееся на почвѣ философіи и продолжавшееся въ богословскихъ системахъ христіанскихъ мыслителей, какъ движеніе отъ метафизическаго дуализма древней философіи къ религіозно-этическому монизму, составляющему сущность христіанскаго вѣроученія. Эта мысль проведена авторомъ довольно послѣдовательно, безъ крайностей и натяжекъ.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Обширное сочиненіе А. Мурашева (494 стр.) состоитъ изъ неравномѣрныхъ по своимъ научнымъ достоинствамъ частей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ почти буквально слѣдуетъ своимъ пособіямъ, въ другихъ пользуется второстепенными пособіями, не провѣряя ихъ источниками. Такъ стр. 181—230 почти буквально взяты изъ Müller'a „Geschichte d. Kosmologie in der griechische Kirche bis auf Origenes (Halle, 1860, 113—160) и хотя авторъ вездѣ цитируетъ свое пособие, но это отнюдь не избавляетъ его отъ упрека въ буквальной зависимости, такъ какъ иногда не только самый строй фразы остается неизмѣннымъ, но даже такіе общедоступные на подлинномъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ писатели, какъ Іустинъ, Таціанъ, Теофилъ и пр. цитируются по Müller'у и лишь въ тѣхъ извлеченіяхъ, какія благоугодно было сдѣлать послѣднему. На отдѣлъ о Филонѣ сильное вліяніе оказали труды профессора М. Муретова, глава объ Оригенѣ составлена подъ давленіемъ изслѣдованія проф. В. Болотова объ Оригенѣ. Но это лишь немногія темныя пятна, хотя и рѣзко выдающіяся на свѣтломъ и вообще блестящемъ фонѣ сочиненія Мурашева. Целлера „Исторію философіи“ онъ изучилъ всесторонне, и на основаніи ея составилъ главы о космологическихъ системахъ Платона, Аристотеля, стоицизма и отчасти Филона; но зачѣмъ тутъ попалъ Аристотель, рецензенту это

не понятно, такъ какъ въ замѣткахъ его объ отношеніи отцовъ и учителей церкви Аристотель почти не встрѣчается. Отдѣлы о Климентѣ Александрійскомъ, о космологіи Василія Великаго и Григорія Нисскаго составляютъ лучшія части его сочиненія, но и въ послѣднихъ двухъ пунктахъ трудно усмотрѣть какое либо опредѣленное и точно установленное „отношеніе ихъ къ греческой философіи“. Разсматриваемое же въ общемъ, сочиненіе студ. Мурашева даетъ цѣльную и законченную исторію космологіи отцовъ и писателей первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства и по мѣстамъ достаточно ясно устанавливаетъ и отношеніе ихъ къ греческой философіи. Степени кандидата богословія авторъ его вполне заслуживаетъ“.

25) О сочиненіи студента іеродіакона Симеона (Нарбекова) на тему: „Вліяніе эллинизма на іудеевъ послѣднѣннаго періода“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго:

„Небольшое по объему, сочиненіе студента іеродіакона Симеона (Нарбекова) предваряется обстоятельнымъ перечнемъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ при написаніи своего сочиненія, и введеніемъ, гдѣ говорится о религіозно-нравственномъ и политическомъ состояніи іудеевъ разсвѣнія ко времени наиболѣе замѣтнаго вліянія на іудеевъ эллинизма. Въ слѣдующей, затѣмъ, 1-й главѣ авторъ выясняетъ сущность эллинизма вообще и въ частности—эллинизма палестинскаго и эллинизма іудеевъ разсвѣнія, при чемъ въ исторіи палестинскаго эллинизма о. Симеонъ указываетъ четыре послѣдовательныхъ періода. Во второй и послѣдней главѣ авторъ останавливаетъ свое вниманіе на различныхъ сторонахъ жизни іудеевъ (на общественно-политической, бытовой и культурной—въ широкомъ значеніи этого слова), на которыхъ наиболѣе замѣтно отразилось вліяніе эллинизма.

Обративъ свое преимущественное вниманіе на палестинскій эллинизмъ, авторъ оставилъ почти безъ разсмотрѣнія исторію вліянія эллинизма на александрійскихъ іудеевъ. Между тѣмъ исторія александрійскаго эллинизма представляетъ много интереснаго для библеиста-историка при характеристикѣ общаго религіозно-нравственнаго и политическаго

состоянія іудеевъ послѣднѣшняго періода. И въ этомъ заключается главный недостатокъ работы о. Симеона. Но въ извиненіе автора нужно сказать, что одностороннее освѣщеніе его вопроса до извѣстной степени искупается его детальной разработкой исторіи палестинскаго эллинизма, гдѣ онъ все-же попутно касается нѣкоторыхъ фактовъ, проливающихся, правда, слабый свѣтъ и на исторію александрійскаго эллинизма. И если поверхностный экскурсъ автора въ исторію александрійскаго эллинизма далеко не можетъ восполнять основного недочета его работы, то въ сочиненіи о. Симеона рецензентъ можетъ отмѣтить другія крупныя достоинства.

Авторъ въ своей работѣ старается быть самостоятельнымъ. Это въ особенности нужно сказать о первой главѣ его работы. При написаніи ея онъ всюду имѣетъ въ виду первоисточники и лучшія пособія. Изъ числа послѣднихъ можно указать на капитальный трудъ Schürer'a. Къ числу первыхъ нужно отнести Іосифа Флавія, котораго онъ изучалъ не только по русскому переводу Генкеля, но и по изданію Niese. Это—особенность, которую съ чувствомъ удовлетворенія можно отмѣчать и въ работахъ на высшія ученія богословскія степени.

Кромѣ сего, тема, взятая авторомъ для кандидатскаго сочиненія, требовала отъ него знанія общей исторіи. И въ этомъ отношеніи авторъ является достаточно подготовленнымъ къ научной разработкѣ его вопроса. Онъ хорошо знакомъ съ общими курсами исторіи.

Въ заслугу автору должно быть поставлено и то, что кромѣ историческихъ фактовъ, говорящихъ о вліяніи греческой культуры на іудеевъ разсѣянія, онъ отмѣчаетъ вліяніе эллинизма и на языкъ іудеевъ. А эта сторона дѣла часто упускается изъ виду въ работахъ, по характеру своему общихъ съ работою о. Симеона. Для обоснованія факта вліянія одного народа на другой часто довольствуются общими историческими справками, не вдаваясь въ анализъ самаго языка.

Въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе автора безупречно.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе о. Симеона вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія и присоединяемъ къ сему пожеланіе, чтобы онъ приложилъ усердіе къ дѣлу восполненія его*.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Симеона предваряется введеніемъ, гдѣ онъ разсматриваетъ внѣшнюю исторію образованія іудейской общины при Езрѣ и Нееміи. Помимо рѣчи о реставраціи іудейства мы находимъ здѣсь краткія сообщенія и объ эллинской діаспорѣ, т. е. объ образованіи іудейскихъ колоній внѣ Палестины. Благодаря увеличенію числа іудеевъ разъясненія самая исторія послѣдствѣннаго іудейства допускаетъ двухчастное подраздѣленіе: на исторію Палестинскихъ евреевъ и на исторію эллинистовъ, по центральнымъ пунктамъ исторической жизни на исторію Іерусалима и на исторію Александріи. Авторъ, ограниченный временемъ, успѣлъ обработать только исторію эллинизма въ Палестинѣ, причемъ дѣлитъ ее на четыре періода: 1) отъ Александра Македонскаго до Антиоха Епифана, 2) періодъ насильственной эллинизации евреевъ при Антиохѣ Епифанѣ, 3) періодъ скрытой эллинизации при Маккавеяхъ и 4) на періодъ языческихъ вліяній при господствѣ Рима. Генезисъ и послѣдовательный ростъ эллинизма въ Палестинѣ представляются писавшимъ полно и отчетливо, отмѣчается появленіе слабыхъ формъ эллинизации въ еврейскомъ быту и постепенное проникновеніе ихъ въ сферу религіозно-культурной жизни. По Маккавейскимъ книгамъ и „Древностямъ“ Іосифа Флавія авторъ даетъ цѣлостное представленіе о Палестинскихъ вольныхъ и подневольныхъ эллинистахъ, точнѣе этнофилахъ, приверженцахъ языческой культуры и рабахъ язычествующихъ деспотовъ. Однако не одинъ внѣшній бытъ, съ появленіемъ герусіи и архонтовъ у евреевъ, не одна религіозно-культурная сторона жизни іудейскаго племени, съ попыткою романофильствующаго Ирода Великаго перестроить храмъ на языческой образецъ, но и религіозная литература еврейства послѣдствѣннаго времени испытали вліяніе языческихъ идей, т. е. эллинизировались. Авторъ устанавливаетъ такія вліянія въ книгѣ Іисуса, сына Сирахова, въ Маккавейскихъ книгахъ, особенно въ концепціяхъ іудейской апокалиптики; тиличнымъ выраженіемъ такой своеобразной литературы онъ считаетъ книгу Еноха. Эллинизмъ сказывался въ воззрѣніяхъ нѣкоторой части евреевъ безъ различія ихъ сектантской партійности,

на суддукеяхъ, іудейской аристократіи двора и храма, и на отшельникахъ—ессеяхъ. Аргументація автора вполне достаточна; онъ удѣлилъ долю вниманія талмуду, собственно мишиѣ въ переводѣ Переферковича; вѣроятно по недостатку времени онъ не занимался гемарою и мидрашемъ, важное значеніе которыхъ ему открывалось изъ капитальнаго изслѣдованія Шюрера, могло бы еще открыться изъ работы Деренбурга по исторіи іудеевъ въ Палестинѣ послѣ возвращенія изъ плѣна. Недостаткомъ работы о Симеона помимо фрагментарности изслѣдованія нужно признать отсутствіе у писавшаго точнаго представленія о томъ, что такое эллинизмъ въ своей сущности, что заставляло его часто говорить по поводу эллинизма, а не о самомъ процессѣ эллинизации по его внутренней природѣ. Эллинизмъ въ эпоху господства Рима на первый взглядъ нѣчто странное, кажущееся историко-культурное nonsens, если не расширить представленія о вліяніи греческихъ идей при великомъ завоевателѣ востока Александрѣ Македонскомъ и діадохахъ до широкой концепціи общихъ вліяній язычества на іудейство въ послѣплѣнныя времена. Вліяніе греческаго языка на еврейское нарѣчіе, отразившееся и въ талмудѣ, удобнѣе было бы прослѣдить по работамъ Іоеля и особенно Краусса. Сказанное ни мало не колеблетъ солиднаго научнаго удѣльнаго вѣса работы о Симеона, и онъ безспорно заслуживаетъ кандидатской степени“.

26) О сочиненіи студента *священника Невскаго Петра* на тему: „Церковно-политическіе дѣятели Смутаго времени“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Наступившія и наступающія трексотлѣтнія годовщины великихъ событій Смутаго времени вызываютъ въ наши дни усиленное вниманіе къ дѣятелямъ и фактамъ той эпохи. Вотъ почему работа о Невскаго появляется вполне своевременно. Церковь въ трудныя годы, пережитыя Русью, не была безучастной зрительницей постигавшихъ русскій народъ несчастій; сама борясь съ грозившими ей опасностями со стороны католицизма, она выступила на помощь разрушавшемуся государству. Авторъ и поставилъ свою задачей изображеніе дѣятельности выдающихся представителей цер-

кви, направленной на возстановленіе и упроченіе поколебавшагося порядка и единства русской земли. „Великія бѣдствія смутной эпохи“, пишетъ авторъ въ предисловіи, „явившись пробнымъ камнемъ для русскаго народа, обнаружили въ немъ великую мѣшь. Отсюда вполне понятно, какъ велико должно быть значеніе тѣхъ людей, которые возбудили эту силу народа къ дѣйствию, которые прекратили въ народѣ рознь и вражду, своимъ нравственнымъ вліяніемъ заставили его соединиться и идти на спасеніе отечества и вѣры“.

Къ числу такихъ дѣятелей авторъ относитъ патріарховъ: Іова, Филарета и Гермогена; характеристикѣ каждаго изъ нихъ онъ посвящаетъ особую главу. Отдѣльная большая глава отведена изображенію участія въ событіяхъ Троицкой Лавры и въ частности двухъ ея знаменитыхъ иноковъ: Авраамія Палицына и архимандрита Діонисія. Попутно наряду съ указанными лицами авторъ привлекаетъ къ изслѣдованію дѣятельность патріарха Игнатія и религіозныя убѣжденія Лжедмитрія I. Эти двѣ послѣднія характеристики нѣсколько идутъ въ разрѣзъ съ намѣченной въ предисловіи задачей. Авторъ ставитъ цѣлью сочиненія разсмотрѣніе дѣятельности церковныхъ іерарховъ, направленной на спасеніе государства. Въ главахъ объ Игнатіи и Лжедмитріи ему приходится говорить уже не о томъ, а приходится разбирать вопросъ о вредѣ, причиненномъ ими самой церкви. Но интересъ, внушаемый читателю этими главами, быстро заставляеть его примириться съ этимъ нарушеніемъ единства.

Смутное время оставило послѣ себя цѣлую литературу памятниковъ, которые могутъ служить историческими источниками для изученія этой эпохи. Но самое обиліе источниковъ является немаловажной причиной трудности уясненія событій Смуты и участія въ этихъ событіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что памятники, повѣствующіе о смутѣ—произведенія не только лѣтописнаго, но и публицистическаго и даже памфлетическаго характера—не ограничиваются строго, безпристрастною передачей фактовъ, но и отражаютъ на себѣ взгляды и пристрастія ихъ авторовъ, тѣхъ группъ и партій, къ которымъ послѣдніе принадлежали. Вотъ почему среди этихъ памятниковъ такая разноголосица; вотъ почему при ихъ обиліи все же въ исторіи Смуты такъ много

неяснаго. Такимъ характеромъ источниковъ объясняются и тѣ крупныя противорѣчія, которыми полны взгляды историковъ, касавшихся событій того времени.

Все это создавало большія препятствія на пути нашего автора къ намѣченной имъ цѣли. Къ чести для него надо сказать, что онъ удачно справился съ ними. Именно лучшей стороною его работы является критика. Критическій методъ и значительный критическій талантъ, которымъ обладаетъ авторъ, благополучно проводятъ его черезъ лабиринтъ свидѣтельствъ, памятниковъ и мнѣній историковъ. Ни одного показанія, ни одного взгляда онъ не принимаетъ на вѣру; все подвергаетъ внимательному разбору и пересмотру. Таковы напр. разборъ вопроса о намѣреніи Лжедмитрія I ввести католицизмъ въ Россіи (118—122), объ участіи семьи Романовыхъ въ замыслахъ противъ Бориса Годунова (166—169), о личности патріарха Гермогена (322—334), которую такъ называемое „Иное сказаніе“ изображаетъ противорѣчиво съ другими памятниками, о троицкихъ грамотахъ (335—342). Разбирая противоположныя воззрѣнія историковъ, авторъ всегда дѣлаетъ сознательный, основанный на самостоятельномъ знакомствѣ съ предметомъ выборъ и умѣетъ занять независимую позицію, не смотря на авторитетъ разбираемаго историка. См. напр. 151—возраженія С. М. Соловьеву, 324—самостоятельное отношеніе къ проф. Платонову, 352—360—мнѣніе о троицкихъ грамотахъ.

Другую сильною стороною работы надо признать живость изображенія интересующихъ автора лицъ, его способность возстановлять ту обстановку, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать, воскрешать ихъ мысли, взгляды и чувства, вызываемые этой обстановкой. Одно изъ услевій этой живости изображенія заключается въ прекрасномъ, сжатомъ, точномъ языкѣ, которымъ работа написана, другое—въ томъ тепломъ чувствѣ, которымъ она какъ бы согрѣта. Иногда теплота тона напрасно, по нашему мнѣнію, повышается даже до горячности, проявляющейся въ излишней рѣзкости выраженій (392 — „злодѣяства поляковъ“; 431 — „подлый обманъ“). Но это рѣдкія исключенія. Не можемъ мы совершенно согласиться съ положеніемъ автора (469—470), что „народъ не могъ свободно подчиниться и повиноваться Годуновымъ, потому что они на самомъ дѣлѣ не были избран-

никами всей земли; Борисъ занялъ престоль только какъ представитель самой значительной и вліятельной боярской партіи“. Полагаемъ, что для доказательства этой мысли слѣдовало бы автору остановиться на значеніи земскаго собора 1598 г., чего онъ не дѣлаетъ.

Указанныя достоинства работы, начитанность въ источникахъ и литературѣ, критическій талантъ и прекрасная внѣшняя форма даютъ о. Невскому полное право на получение искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. И. Соколова*:

„О. П. Невскій избралъ предметомъ своего изслѣдованія дѣятельность Церкви въ одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ русской исторіи, въ эпоху смутнаго времени. Среди всеобщей разрухи, наступившей въ эту тяжелую годину, Церковь одна сохранила сознаніе гражданскаго долга и сумѣла выдвинуть дѣятелей, поднявшихъ народъ на спасеніе отечества и вѣры. Исторіи этихъ дѣятелей авторъ и посвящаетъ свою работу. Давъ во вступленіи общую характеристику смутнаго времени и указавъ на заслугу русской церкви предъ русскимъ государствомъ въ эти годы, о. Невскій дѣлитъ свое сочиненіе на шесть главъ. Въ первой изъ нихъ онъ описываетъ дѣятельность и личность патріарха Іова; во второй и третьей говоритъ о преемникѣ Іова, Игнатіи, и въ связи съ нимъ о личности и религіозныхъ убѣжденіяхъ Лжедмитрія; въ четвертой и пятой изображаетъ великихъ борцовъ за православіе и русскую государственность, Филарета Никитича и патріарха Гермогена; наконецъ, шестую главу посвящаетъ церковно-политической дѣятельности Троицкой Лавры въ лицѣ двухъ знаменитыхъ ея представителей, келаря Авраамія Палицына и архимандрита Діонисія. Въ заключеніи къ своей работѣ авторъ опредѣляетъ задачи этихъ выдающихся дѣятелей и выясняетъ ихъ историческую роль.

Если мы вспомнимъ сложное соотношеніе силъ, вызвавшихъ событія смутнаго времени, если мы представимъ себѣ обиліе и противорѣчивость документовъ объ этой эпохѣ, если, наконецъ, мы будемъ имѣть въ виду рѣзкія разногласія въ мнѣніяхъ ея историковъ, то для насъ будетъ ясно, съ какою трудною задачей имѣлъ дѣло о. Невскій. И можно

сказать, что эту задачу онъ разрѣшилъ блистательно. Онъ очертилъ дѣятельность и характеры изображаемыхъ имъ лицъ сжато, ярко и полно; онъ сумѣлъ выяснитъ ихъ истинныя намѣренія и прослѣдить подлинныя мотивы ихъ поступковъ; онъ описалъ ихъ стремленія, мысли и переживанія въ связи съ тѣми событіями, въ потокѣ которыхъ они находились, и съ той исторической обстановкой, въ которой они дѣйствовали. И все это сдѣлано имъ не по чужимъ работамъ, а на основаніи самостоятельнаго изученія подлинныхъ документовъ. Его отношеніе къ своимъ источникамъ и пособіямъ совершенно научное. Онъ довѣряется свидѣтельствамъ памятниковъ и сказаніямъ современниковъ съ большою осторожностью, подвергаетъ ихъ критическому разбору, внимательно оцѣниваетъ основанныя на нихъ ходячія мнѣнія и старается установить истинный характеръ лицъ, событий и дѣйствій посредствомъ тщательнаго сопоставленія фактовъ. Такъ же относится онъ и къ сужденіямъ историковъ. Если нужно отмѣтить недостатки въ сочиненіи о Невскаго, то самымъ главнымъ изъ нихъ является нѣкоторое несоотвѣтствие содержанія работы ея задачамъ. Авторъ хотѣлъ изобразить тѣхъ церковныхъ дѣятелей смутнаго времени, которые вызвали своимъ нравственнымъ вліяніемъ объединеніе народныхъ силъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ и тѣмъ спасли погибавшее государство. Между тѣмъ онъ отводитъ цѣлую главу патриарху Игнатію, который самъ былъ послушнымъ орудіемъ самозванца. Тѣмъ болѣе было нецѣлесообразно посвящать особую главу Лжедмитрію и его отношеніямъ къ католицизму и православію: эта большая глава является въ сочиненіи совершенно инороднымъ тѣломъ. Конечно, изучая смутное время, авторъ не могъ не коснуться этихъ лицъ; но въ виду его особенной задачи ему было достаточно сказать о нихъ въ связи съ другими лицами и событіями. Не смотря на большую начитанность автора, специалистъ, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ въ его знаніяхъ нѣкоторые недочеты. Такъ, наприм., онъ не пользовался французскими работами неутомимаго, хотя конечно и не всегда безпристрастнаго, изслѣдователя смутнаго времени, о Пирлинга. Но всѣ такого рода недочеты не измѣняютъ того общаго благопріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ его дис-

сертация. Это цѣнная работа, и степени кандидата богословія авторъ вполне достоинъ“.

27) О сочиненіи студента священника *Никольскаго Александра* на тему: „Процессъ духовнаго христіанскаго совершенствованія по изображенію Епископа Теофана“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Въ сочиненіи Преосв. Теофана: „Что потребно покаившемуся“ есть между прочимъ слѣдующее весьма характерное мѣсто: „нѣтъ, говоритъ Святитель, христіанской жизни не подвижнической, не трудовой и кто отказывается отъ подвига, тотъ отступаетъ отъ истинной христіанской жизни“. Вотъ основная точка зрѣнія Е. Теофана на христіанскую нравственную жизнь, раскрываемая имъ почти во всѣхъ его нравственно-аскетическихъ сочиненіяхъ, его письмахъ и даже болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованіяхъ экзегетическаго и обще-богословскаго характера. Автору настоящаго сочиненія и требовалось, познакомившись основательно съ многочисленными трудами Преосвященнаго, собрать все относящееся къ уясненію процесса нравственной жизни человѣка, какъ подвига и подвига не внѣшняго конечно только, а и внутренняго. Матеріалъ въ сочиненіяхъ Еп. Теофана данъ для этого весьма обильный; нужно было только систематизировать его и такъ расположить, чтобы вся жизнь человѣка христіанина, спасающагося, вложилась какъ бы въ рамки, охарактеризовалась болѣе или менѣе выпукло и рельефно въ основныхъ моментахъ своихъ и то, что характерно для этой жизни въ извѣстный моментъ, было особенно подчеркнуто и раскрыто. Авторъ такъ кажется и понималъ задачу своего труда и въ извѣстной степени выполнилъ ее, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ даже при краткости выразительно. Планъ сочиненія его таковъ, что, выполняя его надлежащимъ образомъ, дѣйствительно можно дать основательное раскрытіе процесса нравственной жизни человѣка со стороны и внѣшнихъ, и внутреннихъ переживаній человѣка на этомъ пути. Авторъ видимо усердно старался выполнить этотъ планъ по возможности въ полномъ его масштабѣ и нужно сказать, что сдѣлалъ это не безъ успѣха. Въ достоинство его работы нужно поставить уже и

то, что онъ по разбросанному матеріалу въ многочисленныхъ трудахъ Преосвященнаго *возсоздалъ живой процессъ спасающейся человѣческой личности*, не сходя, какъ это можно было, на почву общихъ христіанскихъ разсужденій. Конечно есть у автора и недочеты вполне понятные и извинительные, если имѣть въ виду, что задача его работы по существу дѣла очень тонкая и сложная. И у самого Преосв. Теофана вѣдь нѣтъ систематически послѣдовательнаго раскрытія процесса жизни спасающейся личности, о переживаніяхъ говорится, но какъ органически раскрывающійся процессъ, эти переживанія въ своемъ многообразіи и развитіи не раскрываются. Говорится о томъ: *что нужно для этой жизни, что бываетъ*, но учесть это все законмѣрное спѣвленіе въ связи явной внутренней, наглядно показать ростъ личности это очень трудно. Авторъ сознавалъ это и напередъ говорить о трудности работы въ этомъ именно отношеніи.

Мы должны указать слѣдующіе недочеты въ сочиненіи.

Начало первой главы мало соотвѣтствуетъ самому заглавію ея. У автора 1-ая глава имѣетъ цѣлію изобразить „общія богословскія воззрѣнія Е. Теофана, какъ основаніе его взглядовъ на христ. совершенствованіе“, а на самомъ дѣлѣ она содержитъ вовсе не эти общія богословскія воззрѣнія Святителя. Ее лучше бы и вѣрнѣе озаглавить такъ: „общіе принципы, положенные въ основу всѣхъ твореній Е. Теофана“, такъ какъ въ этой главѣ у автора содержатся просто общія разсужденія о характерѣ и цѣли христіанской жизни по взгляду Е. Теофана. Эта глава просто предисловіе или конспектъ къ слѣдующему болѣе подробному изъясненію взглядовъ Святителя на нрав. христ. жизнь. Въ этой главѣ не достаточно понятны слова автора о благодати: „обитающей въ глубинѣ существа человѣка Духъ Святой и составляетъ „*основаніе*“ благодати, а общеніе человѣка со Св. Духомъ и есть „*сущность благодати*“ (стр. 26); не указано достаточно ясно и то, о какой *вѣрѣ* авторъ говоритъ на стр. 27 и слѣд., такъ какъ вѣдь у Е. Теофана, какъ и вообще у св. отцовъ, понятіе вѣры въ приложеніи къ разнымъ моментамъ жизни человѣка спасающагося не одинаково. Это кажется и самъ авторъ понимаетъ хорошо, насколько можно судить по содержанію 2-й главы его сочиненія.

Въ частности въ этой-же 2-й главѣ, въ которой у него

говорится объ обращеніи къ Богу, недостаточно раскрытъ моментъ обращенія грѣшника къ Богу, именно съ психологической стороны. Авторъ видимо затруднялся рѣшительно сказать, *въ чемъ этотъ моментъ учитывается*, и потому у него получается какъ будто нѣсколько моментовъ обращенія и рѣшимости, все болѣе и болѣе интенсивной. Если онъ хотѣлъ изобразить процессъ созрѣванія этой рѣшимости и ея окончательнаго разрѣшенія, то это ему вполне не удалось сдѣлать.

Глава 3-я у автора раздѣляется на 3 отдѣла и это дѣленіе вполне естественно, такъ какъ общій вопросъ о подвигѣ (3 гл.) или трудничествѣ естественно въ его раскрытіи распадается на тѣ частные пункты, которые устанавливаетъ авторъ: 1) трудничество съ положительной стороны; 2) съ отрицательной и 3) тѣлесные подвиги. Намъ бы казалось гораздо проще первые два отдѣла объединить просто подъ однимъ заглавіемъ: трудничество или подвигъ со стороны внутренней жизни спасающагося. Различеніе въ подвигѣ духовномъ, о которомъ въ сущности авторъ и говоритъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ 3-й гл., отрицательнаго момента или стороны и положительнаго неудобно; эти моменты только развѣ отвлеченно—логически различимы, а не реально въ жизни подвижника, и борьбу со страстями, напр., едва-ли удобно относить, какъ это дѣлаетъ авторъ, къ моменту только отрицательному. И по существу здѣсь у автора есть недочеты: у него положительное дѣланіе опредѣляется однимъ словомъ „самопринужденіе“ и только чисто описательно указываются тѣ настроенія или добродѣтели, въ коихъ выражается это положительное дѣланіе—самопринужденіе: храненіе духа ревности, укрѣпленіе въ самособранности, памятованіе истинъ откровенія и пр., безъ уясненія психологической стороны этихъ явленій и ихъ внутренней связи. На стр. 164 странное мнѣніе о „помыслѣ“ и опредѣленіе его невѣрное: „подъ помысломъ, гов. авторъ, въ широкомъ смыслѣ разумѣются всѣ акты, предшествующіе рѣшимости, составляющіе размышленіе и склоненіе свободы“... опредѣленіе пожалуй не только не ясное, но и безграмотное и совсѣмъ не въ духѣ и пониманіи Е. Теофана, который въ данномъ случаѣ стоитъ на почвѣ святоотеческаго ученія, какъ и самъ авторъ отмѣчаетъ.

Хорошо въ этой части сочиненія автора, то что онъ отмѣтилъ в. хорошую и существенную мысль у Пр. Теофана объ индивидуализмѣ подвига и полной интимности внутренней дух. жизни человѣка. (См. стр. 166).

Въ отдѣлѣ третьемъ 3-й гл., говорящемъ о тѣлесныхъ подвигахъ и внѣшней жизни подвижника, у автора есть нѣчто относящееся прямѣе къ первымъ двумъ отдѣламъ 3-й гл.: онъ говорить о покаяніи, а это прямѣе относится къ духовному дѣланію.

Едва ли вѣрно понялъ авторъ и мысль Пр. Теофана, который будто-бы утверждаетъ „что въ періодъ очищенія Богъ не даетъ вкусить себя“. Безъ этого вкушенія Бога и подвигъ невозможенъ, такъ какъ вкушеніе блага богообщенія, того, что называется благодатнымъ утѣшеніемъ и помощью, есть необходимое основаніе и условіе самого подвига и борьбы за чистоту души. Пр. Теофанъ понималъ конечно богообщеніе уже *иное*; такъ, какъ это и св. отцы говорятъ, какъ бы *боговселеніе* и уже въ чистомъ сердцѣ человѣка, что дѣйствительно нужно различать отъ того вкушенія Бога, которое дается подвизающемуся и въ періодъ его трудничества. Авторъ этого не отмѣтилъ достаточно.

Извиненіемъ автору во всѣхъ указанныхъ недочетахъ его сочиненія можетъ служить вообще своеобразность аскетическаго матеріала и трудность уясненія его, такъ какъ приходится чужой личный опытъ проводить чрезъ свое сознаніе и уразумѣніе. Недостатокъ же личнаго опыта всегда и скажется дефектами въ раскрытіи продуктовъ чужаго интимнаго опыта жизни. Сочиненія Пр. Теофана представляютъ обширное море сами по себѣ, чтобы можно было легко и съ полнымъ успѣхомъ переплыть его. Авторъ все же добросовѣстно отнесся къ работѣ и выполнилъ первый у насъ опытъ систематизаціи аскетическихъ взглядовъ нашего выдающагося отечественнаго подвижника—святителя очень хорошо.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Инспектора Академіи профессора А. П. Шостына:

„Вмѣсто предисловія“ авторъ говорить объ особыхъ трудностяхъ своей работы, заключающихся въ характерѣ и языкѣ сочиненій преосв. Теофана, а также начертываетъ планъ ея (стр. I—X). По этому плану „*введеніе*“ къ изслѣдованію слу-

жать краткія біографическія свѣдѣнія о жизни преосвященнаго Теофана (стр 1—15), самое же изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Изъ нихъ *первая* трактуетъ объ „общихъ богословскихъ воззрѣніяхъ преосв. Теофана, какъ основаніи его взглядовъ на духовное христіанское совершенствованіе“ (стр. 15—66); *вторая* глава изображаетъ „начало духовнаго христіанскаго совершенствованія,—обращеніе человѣка къ Богу“ (стр. 67—97), пробужденіе его—подъ такимъ или инымъ воздѣйствіемъ призывающей Божіей благодати—отъ грѣховнаго сна безпечности и мірской суеты и слѣдующій затѣмъ „болѣзненный переломъ воли“ грѣшника. *Третья* глава (стр. 97—206), имѣетъ надписаніе: „необходимость трудничества или подвига при духовномъ христіанскомъ совершенствованіи послѣ обращенія“ и заключаетъ въ себѣ три отдѣла: а) о положительномъ дѣланіи или самопринужденіи (храненіе духа ревности и упражненіе силъ въ добрѣ), б) объ отрицательныхъ подвигахъ самопротівленія (борьба со страстями и похотями) и с) о тѣлесныхъ подвигахъ.

Въ послѣдней—*четвертой*—главѣ (стр. 207—229) говорится о высшемъ предѣлѣ христіанскаго совершенствованія; о достиженіи безстрастія и живого Богообщенія. Далѣе, въ „*заключеніи*“ (стр. 229—242) дается общая характеристика преосв. Теофана, какъ богослова-правоучителя. Наконецъ, въ особомъ „*приложеніи*“ (243—249) мы находимъ перечень источниковъ и пособій, какими пользовался авторъ при составленіи сочиненія.

Съ формальной стороны планъ этотъ, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ. Напр., вся первая глава, трактующая объ общихъ богословскихъ воззрѣніяхъ преосвященнаго Теофана, въ сущности является *введеніемъ* къ изслѣдованію и т. о. въ сочиненіи оказывается, строго говоря, *два введенія*, кромѣ *предисловія*. Это, разумѣется, не можетъ быть признано удачнымъ и стоитъ въ противорѣчій съ намѣреніемъ автора „распредѣлить *весь* собранный матеріаль на *три* главы (стр. VII);—вмѣсто трехъ главъ въ сочиненіи оказалось ихъ четыре.

Но если въ формальномъ отношеніи сочиненіе о. Никольскаго подлежитъ упреку, то рассматриваемое со стороны своего содержанія оно заслуживаетъ одобренія. Подлежавшій изученію автора матеріаль собранъ и изученъ полно и вни-

мательно, изложенъ языкомъ яснымъ и довольно точнымъ, по мѣстамъ съ замѣтнымъ одушевленіемъ.

Для степени кандидата богословія трудъ о. Никольскаго, безъ сомнѣнія, достаточенъ“.

28) О сочиненіи студента священника *Новикова Константина* на тему: „Ветхозавѣтное пророчество въ отличіе отъ языческихъ оракуловъ и мантики“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Ветхозавѣтное пророчество, какъ исключительное явленіе въ исторіи Израиля, всегда привлекало къ себѣ вниманіе представителей рационализма, которые и рѣшали вопросъ о ветхозавѣтномъ пророчествѣ съ точки зрѣнія эволюціи. Пророчество, согласно распространенному теперь на западѣ взгляду, уходитъ, будто-бы, своими корнями въ язычество и является лишь только разновидностью языческой мантики. Этимъ опредѣляется общій апологетическій характеръ работы православнаго библеиста-богослова, при выясненіи сущности пророчества. Такой же характеръ придалъ своей работѣ и студентъ о. Новиковъ. Послѣ краткой вводной главы (стр. 1—10), въ которой говорится о задачѣ изслѣдованія, авторъ во 2-й главѣ (стр. 11—64) обстоятельно критикуетъ эволюціонныя гипотезы по вопросу о пророчествѣ. Въ 3-й главѣ (стр. 65—137) авторъ останавливаетъ свое вниманіе на ветхозавѣтныхъ пророческихъ школахъ въ связи съ ветхозавѣтнымъ пророчествомъ. Въ 4-й главѣ (стр. 138—215) „историческія основы библейскаго профетизма“, заголовокъ который не совсѣмъ точно опредѣляетъ содержаніе ея, выясняется сущность ветхозавѣтнаго пророчества и дается филологическій анализъ терминовъ „nabi“ и „roeh“. 1—4 главы являются у автора естественными и необходимыми предпосылками для 5-й (стр. 215—279) заключительной главы, уясняющей принципиальное отличіе ветхозавѣтнаго пророчества отъ оракуловъ и мантики.

Разсматриваемое въ подробностяхъ, сочиненіе о. Новикова не свободно отъ недостатковъ. Такъ, разбирая эволюціонныя гипотезы (стр. 11—64), авторъ не руководится хронологическою послѣдовательностью, въ которой появились эти гипотезы. Онъ дѣлаетъ, напримѣръ, сначала критическія замѣ-

чанія по поводу взглядовъ Сендерленда, Маубаум'а, Велльгаузена и послѣ Stade. При этомъ сужденія Маубаум'а онъ излагаетъ по цитации изъ вторыхъ рукъ.

Далѣе, сдѣлавъ во 2-й главѣ оцѣнку эволюціонныхъ гипотезъ по вопросу о сущности ветхозавѣтнаго пророчества, авторъ, подавленный, очевидно, обиліемъ сужденій западныхъ богослововъ по вопросу о пророчествѣ, превратилъ и 3-ю и 4-ю главу въ сводъ критическихъ замѣчаній, среди которыхъ недостаточно отчетливо проступаетъ положительная сторона его работы.

Касаясь вопроса о сущности ветхозавѣтнаго пророчества, о. Новиковъ понималъ, что для обоснованія его сужденій на ряду съ данными Библии для него имѣютъ большую цѣнность и святоотеческія сужденія по этому вопросу. И онъ цитируетъ отцовъ и учителей Церкви, напр. Кирилла Александрійскаго, Тертуллиана, Августина. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что эта цитация сдѣлана не по святоотеческимъ твореніямъ, а заимствована имъ изъ имѣвшихся у него подъ руками пособій. Вообще цитация автора заставляетъ желать болѣе тщательнаго отношенія къ ней въ смыслѣ указанія на оригиналы твореній отцовъ Церкви и на подлинныя сочиненія представителей богословской науки.

Но, не свободное отъ недостатковъ, сочиненіе о. Новикова имѣетъ и свои достоинства. Хотя авторъ и не обслѣдовалъ всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ трудовъ представителей западной науки по вопросу о пророчествѣ, однако онъ видимо интересовался своей работой и въ этомъ отношеніи. Кромѣ энциклопедій Paulys'a и Gerzog'a, онъ хорошо ознакомился по оригиналамъ съ новѣйшими работами Cornill'я (*Der isr. Prophetismus*, 1909), Evers'a (*Isr. Prophetentum*, 1908), Grezzmann'a (*Die alteste geschichts. Schreibung und Proph. isr.* 1910). О русской библейско-исторической и богословской литературѣ нужно сказать, что авторъ внимательно разыскивалъ и обстоятельно изучалъ ее. Какъ православный библеистъ, авторъ является всюду убѣжденнымъ апологетомъ. Удѣливъ, быть можетъ излишнее, вниманіе разбору отрицательныхъ взглядовъ на сущность ветхозавѣтнаго пророчества, авторъ все же умѣло разбирается въ нихъ, всюду руководясь данными слова Божія. Его заключительная глава о пророчествѣ въ отличіе отъ оракуловъ и мантики обнаруживаетъ въ немъ

человѣка, который съ похвальнымъ усердіемъ изучалъ литературу, относящуюся къ этому основному вопросу его общей работы. Языкъ автора, за немногими исключеніями, правильный.

Сказанное о достоинствахъ сочиненія о. Новикова даетъ намъ основаніе признать его работу заслуживающей степени кандидата богословія“.

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе о. Новикова (279 стр.) написано по русскимъ пособіямъ. Правда, онъ цитируетъ и нѣмецкія, но что онъ цитируетъ, давно возвѣщено на русскомъ языкѣ. Вызываетъ недоумѣнія только транскрипція автора: нѣмецкія существительныя онъ пишетъ даже и въ заглавіяхъ съ маленькой буквы, да и буквы порою оказываются не тѣ, что надо. Въ перечнѣ его пособій мы находимъ: *Geschichte des wolkes Jsraels*. Относительно самого перечня должно сказать, что въ немъ указывается много книгъ дающихъ очень мало для его темы и не приводится обширная прямо на его тему отвѣчающая журнальная литература.

Сочиненіе представляетъ собою болѣе переработку стараго, чѣмъ сообщеніе новаго. Но отъ автора, разумѣется, никто и не вправѣ былъ ждать новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ сужденій, но пора бы—и жаль, что авторъ не направилъ на это свои силы,—дисциплинировать языкъ при разсужденіи о взаимоотношеніи богооткровеннаго и языческаго. Богооткровенное есть истинное, но носители откровенія, какъ и создатели естественныхъ религій, были людьми. Пророкъ Іона ослушался воли Божіей. Между тѣмъ у нашего автора теорія діаметральнаго различія между пророками и языческими прорицателями проводится съ необыкновенною легкостью. Безконечно высокій нравственный характеръ, ясность сознанія при воспріятіи откровеній утверждаются у пророковъ, въ язычествѣ и неморальность и неизбѣжный экстазъ при прорицаніяхъ. Съ одной стороны это невѣрно относительно язычниковъ, а съ другой состояніе духа пророковъ при видѣніяхъ несомнѣнно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является экстатическимъ.

Этими недостатками сочиненія однако не могутъ закрываться его положительныя и свѣтлыя стороны. Строго пра-

вославная точка зрѣнія, убѣжденный тонъ, ясность изложенія, начитанность, даже внѣшняя чистота сочиненія привлекають къ себѣ. Авторъ, видно, достаточно поработалъ за годъ и многому научился.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

29) О сочиненіи студента *Орлова Алексыя* на тему: „Ученіе о вѣрѣ въ XI главѣ посланія къ Евреямъ“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Во *введеніи* (стр. I—XXXVIII) сообщаются краткія свѣдѣнія объ іудео—христианахъ апостольскаго вѣка, какъ адресатахъ посланія къ Евреямъ (§ 1 стр. I—XIV) и о сотериологиче- тогдашняго іудейскаго богословія, примѣнительно къ коей кратко обозрѣвается все содержаніе посланія (§ 2 стр. XV—XXXVIII). Самое изслѣдованіе данной темы, соотвѣтственно содержанию XI главы посланія къ Евреямъ, естественно расчленяется на шесть главъ. Глава *первая* (стихи 1—3, стран. 1—118, §§ 3—5) сначала раскрываетъ, съ общей религіозно-психологической точки зрѣнія, сущность и основаніе вѣры, какъ *ἐπιζομένην ὑπόστασιν* и *προσμίτην ἐλευχόν οὐ βλεπομένην* (§ 3, стихъ 1, стр. 1—62), а затѣмъ даетъ историческое (§ 4, стихъ 2, стр. 62—73) и метафизическое, какъ выражается авторъ, или богословское обоснованіе вѣры (§ 5, стихъ 3, стр. 73—118). Слѣдующія четыре главы данное выше общее богословское опредѣленіе вѣры уясняютъ и доказываютъ на примѣрахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, въ порядкѣ историческомъ, именно: во *второй* главѣ (стр. 119—186) раскрывается вѣра допотопныхъ патріарховъ—Авеля (§ 6, ст. 4, стр. 119—140), Еноха (§ 7, ст. 5—6, стр. 140—155) и Ноя (§ 8, ст. 7, стр. 156—186),—въ *третьей*—вѣра праотцевъ народа еврейскаго—Авраама съ Саррою, Исаака, Іакова и Іосифа (§§ 9—11, ст. 8—22, стр. 186—307),—въ *четвертой*—вѣра Моисея и всего народа Божія (§§ 12—14, ст. 23—31, стр. 308—398),—въ *пятой*—вѣра въ послѣдующія ветхозавѣтныя времена (§§ 15—16, ст. 32—38, стр. 399—465). Глава *шестая* посвящена истолкованію послѣднихъ двухъ стиховъ (39—40) главы, въ коихъ богодухновенный писатель обобщаетъ признаки вѣры ветхозавѣт-

ныхъ праведниковъ и указываетъ отношеніе этихъ послѣднихъ къ вѣрѣ новозавѣтнаго человѣчества (§§ 17—18, стр. 466—517). Въ *заключеніи* (§ 19, стр. 519—565) авторъ кратко касается вопроса объ отношеніи пистеологіи данной главы посланія къ Евреямъ къ пистеологіи другихъ посланій Ап. Павла, преимущественно къ Римлянамъ, и, вопреки мнѣнію многихъ новѣйшихъ иностранныхъ богослововъ, раскрываетъ полную возможность усвоить содержаніе и изложеніе XI главы посланія къ Евреямъ Апостолу Павлу.

Изъ этого обзорѣнія работы автора видимъ, что она, благодаря конечно характеру самой XI главы посланія къ Евреямъ, отличается стройностью въ планѣ, послѣдовательностью въ изложеніи и законченностью въ раскрытіи предмета: Строго держась теченія мыслей данной главы, отдѣливъ въ ней начало (ст. 1—3) и заключеніе (ст. 39—40), какъ обще-богословскую часть разсужденія, и затѣмъ послѣдовавъ хронологическому порядку обзорѣнія ветхозавѣтной исторіи по лицамъ праведниковъ, наиболѣе ярко и типично отразившихъ въ себѣ нравственно-религіозную сторону вѣры, авторъ точно выдержалъ планъ главы и тѣмъ далъ своей работѣ строго логическій характеръ. Въ этомъ—главное и общее достоинство ея.

Въ качествѣ втораго, болѣе уже самостоятельнаго и общеметодологическаго, такъ сказать, достоинства работы г. Орлова могу указать на то, что въ грудѣ разнобразнаго и обширнаго критико-экзегетическаго матеріала авторъ не теряетъ въ частностяхъ специальныхъ экскурсовъ, но умѣетъ всегда твердо держаться главной мысли богодухновеннаго писателя и по окончаніи частныхъ экзегетическихъ изслѣдованій сопровождаетъ ихъ общими разъясненіями понятія вѣры и ея нравственно-религіозной сущности въ истолкованномъ отдѣлѣ, чѣмъ придаетъ своему изложенію большую ясность, и отчетливость, какъ то на стр. 172—186, 294 дал. 393 дал.

Для своей работы авторъ тщательно изучилъ и умѣло использовалъ *почти всю* древне-христіанскую экзегетическую литературу предмета на языкахъ—греческомъ: Катены Крамера (Северіанъ и др.), Теодоръ Мопсуестійскій, Кирилль Александрійскій, Икуменій,—латинскомъ: Евхерій, Примазіи, Лукулентъ, Алульфъ, Страбо, Балдуинъ,—на русскомъ: Ефремъ Сиринъ, Златоустъ, Теодоритъ и Теофилактъ,—и главнѣйшія изъ новыхъ истолковательныхъ пособій на языкахъ—нѣмец-

комъ: Курцъ, Деличъ, Кейль, Блекъ, Люнеманъ, Визенталь, Мейеръ—Вейссъ,—и русскомъ: Теофанъ, Никаноръ, Иринеи и др. нѣк. Сюда же надо присоединить и пособія общаго характера на языкѣ нѣмецкомъ: словари Ширлица и Кремера, грамматики Винера и Блясса и іудейско—раввинскую теософію по Веберу, и на латинскомъ языкѣ параллели къ Новому Завѣту изъ іудейско-раввинской литературы по Ляйтфугу и Ветштейну.

Въ частныхъ критико-экзегетическихъ изслѣдованіяхъ авторъ обнаруживаетъ умѣнье пользоваться не только греческимъ языкомъ, но и еврейскимъ, при разборѣ гипотетической реставраціи еврейскаго оригинала посланія Бизенталемъ,—даетъ прекрасныя толкованія трудныхъ мѣстъ главы, каковы: *ἐπιζωόντων ὑποστάσις* и *προκύβητος ἔλεγχος* ὀφ *ἀλλοτινῶν* ст. 1, стр. 1 дал.,—жертва Авеля ст. 4, стр. 119 дал.,—*ἐν λαοῦ καὶ λῆ* ст. 19, стр. 260 дал.,—Іаковъ поклонился (молился, опираясь) на верхъ жезла своего ст. 21, стр. 286 дал.,—поношеніе Христа ст. 26, стр. 333 дал.

Направленіе работы строго-православное,—разсужденія и доказательства вездѣ обстоятельныя и основательныя,—изложеніе краткое, ясное, литературно обработанное.

Въ сочиненіи есть конечно и недостатки. Общіе: раскрытіе нравственно-религіозной стороны вѣры и пистеологіи Библейской, особенно Ап. Павла въ другихъ его посланіяхъ, далеко отъ полноты и всесторонности,—также совсѣмъ отсутствуетъ общій нравственно-религіозный параллелизмъ. Частныя: авторъ почему-то не пользуется Іоанномъ Дамаскинскимъ и Евеиміемъ Зигабеномъ въ подлинникѣ и древне-христіанскими мистиками—Макаріемъ Египетскимъ, Исаакомъ Сиринскимъ и др.,—греческіе классики, Филонъ, іудейско-раввинская литература цитуются по второстепеннымъ пособіямъ, безъ провѣрки въ оригиналахъ,—имѣются дефекты по текстологіи и филологіи,—переводы на русскій языкъ текста изслѣдуемой главы, предлагаемые авторомъ, не всегда отличаются точностью,—совсѣмъ не затронутъ вопросъ о безсмертіи Еноха съ богословско-догматической точки зрѣнія, т. е. въ отношеніи къ христіанскому ученію объ избавленіи людей отъ смерти Спасителемъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ и имѣющимъ воскресить умершихъ людей при второмъ Своемъ пришествіи на землю,—не выяснена, данная въ

39—40 стихахъ, органическо-мистическая связь ветхозавѣтныхъ людей съ новозавѣтными и достиженіе совершенства чрезъ полученіе обѣтованія или осуществленіе вѣры ветхозавѣтнаго человѣчества въ единеніи и зависимости отъ человѣчества новозавѣтнаго.

Но эти, частные и легко устранимые, недостатки не мешаютъ работѣ г. Орлова быть не только вполне удовлетворительнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ, но и,—въ исправленномъ, дополненномъ и печатномъ видѣ,—составить весьма нужный и дѣльный вкладъ въ русскую богословско-экзегетическую литературу въ качествѣ магистерской диссертациі“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Блясса:

„Во введеніи (1—XXXVIII стр.) г. Орловъ даетъ краткое изображеніе іудейства апостольскаго времени; затѣмъ въ шести главахъ изслѣдованія истолковываетъ XI-ю главу Посланія къ Евреямъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, стихъ за стихомъ, слово за словомъ (1—517 с.); а въ заключеніи (519—565) сравниваетъ изъясненное ученіе о вѣрѣ съ ученіемъ о ней, содержащимся въ другихъ посланіяхъ апостола Павла. При исполненіи своего труда онъ пользовался многими и разнообразными пособіями, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ теперешніе ученые толкователи Священнаго Писанія. Изъ филологическихъ пособій ему оказывали помощь при изъясненіи смысла словъ и характера оборотовъ рѣчи греческаго языка Новаго Завѣта библейскіе словари Кремера и Ширлица и грамматики Винера и Блясса. Но, какъ это и само собой понятно, главными пособіями для него были толкованія на Посланіе къ Евреямъ богослововъ древнихъ Востока и Запада и новыхъ и новѣйшихъ—иностранныхъ и русскихъ, а также нѣкоторыхъ и средневѣковыхъ—западныхъ. Имена всѣхъ таковыхъ толкователей онъ перечислилъ въ самомъ же началѣ своего сочиненія, причемъ бросается въ глаза слѣдующая неисправность и неполнота въ составленіи этого перечня: между тѣмъ какъ при именахъ нѣмецкихъ и русскихъ толкователей помѣщены полныя заглавія и ихъ сочиненій, при именахъ древнихъ и средневѣковыхъ толковниковъ указаны только

томы либо патрологии Миня, либо полного собрания ихъ сочиненій, безъ обозначенія заглавій ихъ трудовъ. Изъ русскихъ толкователей Посланія къ Евреямъ онъ указалъ трехъ: Арх. Ириней, Епископа Никанора и Братолюбова. Всего болѣе, кромѣ древнихъ толкователей, онъ руководствовался толкованіями на Посланіе къ Евреямъ нѣмецкихъ протестантскихъ богослововъ, а именно Делича (слѣдовало бы прибавить и имя его Францъ въ отличіе отъ здравствующаго и теперь библіолога Фридриха Делича), Блэка, Вейсса (слѣдовало бы присоединить имя его Бернардъ, такъ какъ есть и другіе богословы протестантскіе съ этой фамиліей), Кейля, Люнемана, Бизенталя, Курца, а не Кюрца, какъ его неправильно называетъ г. Орловъ. Курцъ нѣкогда былъ профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ и извѣстенъ какъ церковный и библейскій историкъ, но не какъ экзегетъ. Для ознакомленія съ іудейскимъ богословіемъ г. Орлову оказали помощь сочиненіе англійскаго ориенталиста 17-го вѣка Ляйтфута подъ заглавіемъ: *Horae hebraicae et talmudicae*, и книга Вебера подъ заглавіемъ: *Jüdische Theologie auf Grund des Talmud und verwandten Schriften*. При написаніи заключительной главы сочиненія онъ воспользовался книгой Рима: *Der Lehrbegriff des Hebräerbriefes*. Нельзя не подивиться, что онъ совершенно не обратилъ вниманія на толкованія изъясненной имъ главы католическихъ ученыхъ новѣйшаго времени. Не благоразумнѣе ли было вмѣсто того, чтобы знакомиться съ восемью комментаріями протестантскихъ ученыхъ, избрать изъ нихъ лучшихъ пять, и три комментарія католическихъ ученыхъ. Количество труда было бы такое же, но качество сочиненія повысилось бы уже по причинѣ разнообразія взглядовъ на вѣру, и пріемовъ изъясненія. Но избранныя имъ пособія на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ онъ изучилъ большею частью тщательно, выбранный изъ нихъ матеріалъ объяснилъ,— конечно, при помощи самихъ же пособій, и въ результатѣ получилось подробное и разностороннее изъясненіе XI-й главы Посланія къ Евреямъ, изъясненіе какъ грамматическое и филологическое, такъ и догматико-нравственное. Написаніе сочиненій, посвященныхъ послѣдовательному истолкованію библейскаго текста, облегчается тѣмъ, что не надобно вырабатывать планъ и не приходится читать лишнее, какъ это

бываетъ при выполненіи трудовъ систематическихъ. Но всетаки г. Орлову привелось много потрудиться какъ для ознакомленія съ матеріаломъ, такъ и для оцѣнки его и детальной обработки.

Изложено сочиненіе толково и языкъ его хорошъ, за немногими неудачными выраженіями какъ, напр., „адресатъ Посланія“ (I стр.) „ипостазированные сущности“ (XVI стр.), „постулируется“ (119 стр.). Не знаемъ, признать-ли опиской, или ошибкой слова на 350 стр.: „бѣгство Моисея въ Мидію“. Мадіамская страна—не Мидія.

Для присужденія г. Орлову степени кандидата сочиненіе его вполне достаточно“.

30) О сочиненіи студента *священника Орлова Сергія* на тему: „Первородство у древнихъ евреевъ по даннымъ Библии и мишны“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Орлова состоитъ изъ введенія и двухъ частей: въ первой части разсматривается первородство по его прерогативамъ въ періодъ патриархальный, во второй—первородство въ подзаконный періодъ, включая данныя талмуда по этому вопросу. Какъ видно, работа о. Орлова представляетъ специальную библейско-археологическую монографію; благодаря рѣзкой очертанности темы, сочиненіе о. Орлова, можно сказать, исчерпываетъ Библейско-талмудическія данныя, давая вполне ясное изображеніе правъ и обязанностей перваго мальчика въ семьѣ, приобретаемыхъ имъ при рожденіи и осуществляемыхъ по мѣрѣ его возрастанія и вступленія въ зрѣлость (pubertas, matucitas). Для составленія этой работы о. Орлову пришлось собирать подходящій матеріалъ не крупницамъ въ Библейско-богословскихъ предметныхъ словаряхъ и энциклопедіяхъ, но преимуществу на нѣмецкомъ языкѣ (Herzog, Riehm, Winer, Schenkel и др.). Подходящій матеріалъ въ русской библейско-богословской литературѣ былъ извлеченъ о. Орловымъ главнымъ образомъ изъ журнальныхъ статей, повсюду съ самою точною цитациею года и тома изданія. Списокъ многочисленныхъ пособій автора поставленъ имъ въ главѣ предисловія.

Первородство въ его прерогативахъ у древнихъ евреевъ—явленіе весьма важное, если сопоставить юридическую іпоріа перворожденныхъ у народовъ классическаго міра: уже одно наименованіе первороднаго—бехоръ בְּחֹרֹת отъ глагольнаго корня бахаръ, выдѣлять—выдѣлялъ (сравни страдательное причастіе бахуръ) показываетъ на особое положеніе первороднаго въ древне-еврейской семьѣ: если въ primogenitus, *πρωτότοκος*: только отмѣчается числовой порядокъ рожденія, то въ еврейскомъ бехоръ уже выдѣляется особое качество рожденнаго, какъ психо-физически лучшаго среди дальнѣйшихъ братьевъ и сестеръ. Первородныя животныя (бекоротъ) и первосозрѣвшіе плоды (бикуримъ) приносились Богу, какъ лучшій даръ. Первые плоды маслины назывались у евреевъ мелса מַלְאָחַ—полнота, eo ipso первородный представлялся изводящимъ изъ родителей ихъ лучшія физическія и моральныя силы, почему и является „вънцомъ брака“, что находитъ отраженіе и въ его преимущественномъ положеніи въ семьѣ: Рувимъ, первенецъ мой, говоритъ Іаковъ,—ты крѣпость моя и начатокъ силы моей, верхъ достоинства и верхъ могущества (Быт. 49, 3). Въ предисловіи къ своей работѣ о Орловъ точнѣе опредѣляетъ то понятіе первородства, съ явленіями и слѣдствіями котораго будетъ имѣть дѣло: первороднымъ можетъ быть и первый сынъ матери, разверзающей ложесна, и первый сынъ отца въ полигамическомъ бракѣ, гдѣ каждая жена можетъ имѣть своего первенца, гдѣ слѣдовательно физическихъ первенцевъ не одинъ. Авторъ заявляетъ, что будетъ изучать главнымъ образомъ первородство по отцу, лишь отчасти касаясь первородства по матери. Въ отдѣлѣ о первородствѣ въ періодъ патриархальный интересенъ экскурсъ въ область выясненія, какое положеніе занимали первородные въ сферѣ культа. Давно уже высказывалось мнѣніе, что первородные замѣняли жертвосовершителей, позднѣйшихъ ааронидовъ, но уже примѣръ жертвоприношенія Каина и Авеля, совершеннаго одновременно, противъ этого предположенія. Кто были юноши, совершавшіе жертвозакланіе при заключеніи завѣта, также не опредѣляется въ Библии, а потому *janua patet* для всякихъ гипотезъ. О. Орловъ вполне правильно считаетъ, что первородные могли приносить жертвы, но не были обязательными и исключительными литургами патриархальной эпохи. Въ

виду относительной блѣдности контуровъ жизни патриарховъ отдѣлъ о первородныхъ въ дозаконный періодъ не отличается богатствомъ фактическаго и теоретическаго содержанія, иное дѣло часть II сочиненія, трактующая о первородствѣ въ подзаконный періодъ. Богатая казуистика талмуда, отражающая библейско-номическія положенія, даетъ о Орлову возможность детально освѣтить интересующій его вопросъ, особенно относительно имущественныхъ правъ первороднаго и его соціального значенія (старѣйшинства и интронизации). Въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія о Орловъ дѣлаетъ опытъ опредѣленія, какое значеніе имѣетъ ветхозавѣтное законодательство касательно первородныхъ въ ветхозавѣтной типикѣ и символикѣ, и какъ оно отражается въ стихирахъ и тропаряхъ службы на Срѣтеніе Господне.

Изъ недостатковъ сочиненія можно указать: 1) на излишній гомилетическій пафосъ, по мѣстамъ дающій красивыя сочетанія и фразы, но бесполезный въ научно-богословскомъ трудѣ; 2) на отсутствіе въ списокѣ пособій Библейскихъ конкорданцій. Однако эти недостатки—чисто внѣшніе, со стороны же содержанія работа о Орлова производитъ самое выгодное впечатлѣніе, какъ по проявленному имъ усердію въ изученіи ветхозавѣтной Библии, такъ и по солидности въ аргументации устанавливаемыхъ положеній. Рецензентъ рекомендовалъ бы автору продолжить его работу: 1) чрезъ привлеченіе этнографическаго матеріала, 2) чрезъ текстуально-критическое изученіе мѣстъ Библейскаго подлинника, 3) чрезъ введеніе въ поле зрѣнія раввинистическихъ истолковательныхъ трудовъ, особенно толкованія Маймонида и Бартеноры на талмудическій трактатъ Бекоротъ, отчасти на мишну Арахинъ. Разсматриваемое, какъ кандидатское разсужденіе, сочиненіе о Орлова болѣе чѣмъ удовлетворительно и заставляетъ отмѣтить его прекрасную подготовку къ преподаванію Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе о Орлова состоитъ изъ двухъ частей, распадающихся, въ свою очередь, на 10 главъ (4—въ первой и 6—во второй). Работа предваряется спискомъ литературы, которая такъ или иначе помогла автору ориентироваться въ

его вопросъ, краткимъ предисловіемъ, выясняющимъ общую задачу труда и введеніемъ, гдѣ дѣлаются предварительныя замѣчанія по вопросу о первородствѣ у древнихъ народовъ въ его отношеніи къ воззрѣніямъ израильтянъ на первородство. Въ заключеніе авторъ даетъ общее резюме своего изслѣдованія, которое, въ частности, уясняетъ первородство въ его идеѣ и въ практическомъ осуществленіи въ періодъ патриархальный и подзаконный.

Написанное въ цѣломъ живымъ языкомъ, иногда, правда, съ излишнимъ паѳосомъ, говорящимъ, однако, объ особой любви автора къ предмету его изслѣдованія, сочиненіе о. Орлова имѣетъ особую цѣнность, какъ работа, для выполненія которой авторъ внимательнѣе изучилъ данныя Библии. Это особенно нужно сказать о второй части работы о. Орлова, для обоснованія которой онъ съ наибольшою тщательностью изучилъ богатый, сравнительно, матеріалъ, имѣющійся въ Библии и умѣло сопоставилъ его съ казуистикой талмуда по вопросу о первородствѣ.

Правда, недостаточное знакомство автора съ экзегетическими трудами невыгодно отразилось на текстуально-критической части его работы. Но это—недостатокъ, который извиняется отчасти тѣмъ, что всюду замѣтное усердіе автора было обращено, главнымъ образомъ, на нелегкій подборъ данныхъ Библии, относящихся къ его вопросу, при чемъ текстуально - критическое изученіе интересовавшихъ его мѣстъ изъ Библии отошло у него на задній планъ. Можно указать автору и на нѣкоторые недочеты въ цитациі. Такъ, онъ указываетъ въ спискѣ пособій Талмудъ и Коранъ, безъ точнаго обозначенія года и мѣста этихъ изданій, при чемъ Коранъ въ его изслѣдованіи является до нѣкоторой степени случайнымъ пособіемъ въ ряду другихъ, близко касавшихся вопроса автора, пособій.

Но отмѣченные нами, сравнительно незначительные, недочеты работы о. Сергія, говорящей въ общемъ о вдумчивомъ и серьезномъ изученіи имъ Библии, не могутъ, конечно, препятствовать полученію имъ степени кандидата богословія. Его трудъ даетъ ему полное право на это“.

31) О сочиненіи студента *Павловскаго Ивана* на тему: „Соборное духовенство въ древней Руси“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе написано по слѣдующему плану. Послѣ краткаго предисловія въ I гл. излагается исторія соборнаго духовенства или „клироса“ въ восточной церкви и въ древнерусской, во II-ой о составѣ соборнаго духовенства, въ III объ участи соборянъ въ епархіальномъ управленіи и судѣ и въ IV о средствахъ содержанія соборнаго духовенства.

Вопросъ о соборномъ духовенствѣ мало разработанъ въ нашей научной литературѣ. Не мало трудовъ по исторіи бѣлаго духовенства, въ которыхъ авторы не обходятъ и духовенство соборное; имѣются монографіи о разныхъ соборахъ каедральныхъ и некаедральныхъ и въ этихъ трудахъ общаются попутно свѣдѣнія объ ихъ духовенствѣ, но спеціальной работы не имѣется. Ближайшей задачей г. Павловскаго было, поэтому, собрать имѣющіяся въ литературѣ и въ изданныхъ доступныхъ ему источникахъ данныя и сгруппировать ихъ. Эту свою задачу авторъ исполнилъ вполне добросовѣстно: прочелъ и использовалъ цѣлый рядъ „актовъ“ и „матеріаловъ“. Но на дальнѣйшую обработку добытаго матеріала, по собственному сознанію г. Павловскаго, у него не хватило времени: всѣ вопросы затронуты лишь въ предѣлахъ, которые подсказывались текстомъ свидѣтельствъ: поставить явленія въ болѣе широкія рамки и отдаленную перспективу, связавъ исторію соборянъ съ исторіей древнерусскаго епархіальнаго управленія и исторіей бѣлаго духовенства въ древней Руси автору не удалось: ему не хватило времени для ознакомленія съ этими обширными отдѣлами исторіи нашей церкви. Сочиненіе осталось незаконченно, но нѣкоторымъ извиненіемъ автора служить то, что онъ понимаетъ этотъ недочетъ своей работы (предисл. VIII—IX).

Помимо этого есть частныя промахи. Авторъ смѣшиваетъ епископскихъ слугъ и холоповъ (стр. 51), ссылается на уставъ Владимира какъ подлинный актъ (151), тогда какъ выше высказалъ сомнѣніе въ принадлежности его крестителю Руси: порядокъ юго-западной церкви, гдѣ въ XV стол. духовникъ изъ соборянъ принималъ исповѣдь ставленника, чтобы свидѣтельствовать о его достоинствѣ, едва ли правильно рас-

пространяется на всю церковь русскую, такъ какъ въ великорусской церкви о достоинствѣ ставленниковъ свидѣльствовали ихъ личные духовники, которые для этого являлись къ владыкѣ; Иванъ III называется царемъ (235). Въ отдѣлѣ о доходахъ соборнаго духовенства слѣдовало бы матеріалъ заключить въ таблицу (подобную той, какую авторъ далъ въ главѣ о составѣ духовенства), а то цифры, приводимыя имъ изъ источниковъ, не имѣютъ наглядности.

Но всѣ эти недочеты въ значительной степени извиняются неразработанностью темы и ея сложностью, стройностью плана, добросовѣстнымъ отношеніемъ автора къ черновой работѣ накопленія данныхъ по вопросу и яснымъ сознаниемъ своей научной задачи, не осуществленной во всемъ объемѣ отчасти по недостатку времени.

Поэтому сочиненіе г. Павловскаго вполне заслуживаетъ автору степень кандидата богословія“.

б). Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора
Н. А. Заозерскаго:

„Разсматриваемое сочиненіе представляетъ весьма усердный трудъ автора по собиранію матеріала для разработки темы, разсѣяннаго по самымъ разнообразнымъ историческимъ и юридическимъ источникамъ, перечень которыхъ и представленъ въ началѣ сочиненія.

Собранный тщательно матеріалъ систематически расположенъ по главамъ, рисующимъ предъ читателемъ въ отчетливой и живой картинѣ всѣ важнѣйшія стороны быта соборнаго духовенства разныхъ вѣковъ и разныхъ частей Руси, начиная со времени принятія русскими христіанства и по XVII вѣкѣ, а именно: составъ соборнаго духовенства, участіе его въ епархіальной администраціи и судѣ; средства содержанія, подсудность; права и повинности.

Методъ изложенія—историко-критическій. Въ положительномъ изложеніи фактовъ авторъ всюду стремится быть документально основательнымъ и сохраняетъ должную умѣренность въ обобщеніяхъ.

Единственная, мною замѣченная, слабая сторона въ сочиненіи—недостаточное знакомство автора съ епархіальнымъ устройствомъ греческой церкви, гдѣ свѣдѣнія автора, повидимому, исчерпываются тѣмъ, что даетъ въ своей исторіи